

ИНСТИТУТ ПО ИЗУЧЕНИЮ СССР
Institute for the Study of the USSR * Institut zur Erforschung der UdSSR
Institut d'études sur l'URSS

В. И. Юкшинский

**Советские концентрационные
лагери в 1945—1955 гг.**

МЮНХЕН
1958

ИНСТИТУТ ПО ИЗУЧЕНИЮ СССР
Institute for the Study of the USSR * Institut zur Erforschung der UdSSR
Institut d'études sur l'URSS

Исследования и материалы
Серия II (ротаторные издания)

№ 66

В. И. ЮКИНСКИЙ

СОВЕТСКИЕ КОНЦЕНТРАЦИОННЫЕ ЛАГЕРИ
В 1945-1955 гг..

М ю н х е н
1 9 5 8

Исследования и материалы Института редактируются Издательской Коллегией Ученого Совета Института.

Работы, издаваемые Институтом за подписями их авторов, являются свободным выражением взглядов и выводов авторов. Издательская Коллегия оставляет за собой право иметь собственное суждение по издаваемым статьям и материалам.

Перепечатка статей и материалов разрешается при условии указания источника.

Издательская Коллегия

Herausgeber und Verlag: Institut zur Erforschung der UdSSR, e.V.
Muenchen 26, Schliessfach 8, Telephon 2068I. Verantwortlicher
Redakteur: Prof. B. Iwanow, Muenchen 22, Mannhardtstrasse, 6.
Printed in Germany.

В с т у п л е н и е

Этот труд, представляющий собою мое свидетельское показание, имеет целью дать возможно ясное представление об условиях жизни в лагерях Советского Союза после войны. В этом смысле он хронологически продолжает книгу В.П. Артемьева "Режим и охрана исправительно-трудовых лагерей МВД" ¹⁾, но существенно отличается материалами и возможностями автора.

Я не обладал документами, составляющими основу книги Артемьева. Но я сам одиннадцать лет прожил в лагерях. С одной стороны, личные наблюдения дают возможность более пристального взгляда на описываемое; с другой, - личные наблюдения ограничены местом в связи с личной судьбой наблюдателя. Я жил последовательно:

- 1) в лагерях Кузбасса (Угольный район с тремя большими городами: Прокопьевск, Сталинск-Кузнецк и Кемерово),
- 2) в тюрьмах Сталинска и Кемерова,
- 3) в лагерях Озер-системы (железнодорожная линия Тайшет-Братск, Иркутской области),
- 4) в лагерях Урала (Свердловск, Первоуральск и т.д.).

В этих пределах я очень часто перебрасывался из одного лагеря в другой, побывав всего в тридцати лагерных пунктах. С несомненностью можно утверждать, что жизнь в лагерях одинакового типа обладает общими чертами и что изложенные здесь наблюдения можно обобщить, распространяя их на все лагеря подобного же типа.

Не берусь, однако, утверждать, что лагеря, расположенные в Европейской части СССР, обладают теми же чертами, что и Сибирские. Степень удаленности от центра как в прежние времена, так и теперь, обуславливая большую или меньшую возможность контроля, сказывается на условиях работы, режима, пи-

1) В.П. Артемьев. Режим и охрана исправительно-трудовых лагерей МВД. Изд. Института по изучению СССР, Мюнхен, 1956, (221 стр. и 8 схем).

тания и проч.

Кроме того, в данной работе отсутствует описание лагерей дальнего Севера, как, например, Воркуты, Нарыльска, Кольмы и др. Туда посылали только здоровых молодых людей; работа протекала в особо тяжелых климатических условиях, питание находилось в зависимости от транспорта и заготовленных запасов, и наблюдение центральной власти сводилось к минимуму.

Следовательно, данная работа не претендует быть исчерпывающей и ограничивается описанием вышеуказанных районов с обобщением для всей Сибири, кроме дальнего Севера.

Условия жизни в лагерях все время менялись, поэтому и описание их ведется в хронологическом порядке.

Г л а в а I

Военнопленные (1945-1946 гг.)

Во время войны и в особенности после войны количество заключенных поднялось до таких цифр, что никакие существующие места заключения не могли вместить всех новых осужденных.

Уже самая война обострила деятельность карательных органов. После войны появились миллионы германских, румынских, венгерских и польских военнопленных; миллионы русских, уличенных или заподозренных в сочувствии врагу во время оккупации или во время пребывания на работах в Германии; сотни тысяч русских, принимавших участие в войне в рядах германской армии.

Эти последние после выдачи в Лиенце, Юденбурге и др. были водворены в лагеря на "правах" (если вообще здесь уместно это слово) военнопленных.

Вся лагерная политика советской власти шла по двум линиям: не только изолировать и наказать своих врагов, но и эксплуатировать дешевый труд. Поэтому лагеря (официально "лагерные пункты") располагаются всегда группами вокруг большого трудового объекта. Такая группа называется "системой".

Все военнопленные, в том числе и русские, без различия

национальностей носили на рукаве буквы "В.П.". Иногда в одном лагере помещали две или три национальности. Каждая составляла отдельный батальон, занимая отдельную часть лагерной территории; батальоны не были отгорожены один от другого. Я видел лагеря, составленные из немецкого и русского батальонов и из немецкого, русского, венгерского и польского.

Для огромных масс прибывающих военнопленных лагеря заготовлены не были. И вообще, если перебрасывалась группа заключенных на новый объект, то очень часто должна была сама себе на голом месте строить лагерь и жилища, оставаясь до окончания построек совершенно без крова или в палатках.

Так было и в Прокопьевских лагерях, куда в середине июля 1945 года прибыли военнопленные 15-го кавалерийского корпуса. Мы получили отгороженный луг со сторожевыми башнями на углах, но без всяких признаков жилья, если не считать огромных полотнищ палаток, брошенных на траву. Эти палатки тоже должны были быть построены, потому что требовали деревянной основы и стропил. Такая палатка, снабженная двухэтажными нарами, могла вмещать человек шестьдесят. Но просто брошенная на траву, она укрывала от дождя не больше двадцати человек. Скучная пища, состоявшая из супа три раза в день, варилась на кострах. Иногда проливной дождь гасил костры, и тогда пища не выдавалась вовсе или суп заменялся селедкой.

Потребовалось две недели, чтобы построить палатки, так как материала доставлено не было. Одновременно начали рыть большие котлованы, предназначенные для будущих земляных барачков. Пока строились землянки, мы продолжали оставаться в палатках до середины ноября. Уже давно выпал снег, и стояли сильные морозы.

Первые четыре месяца военнопленные сохраняли свою одежду, в которой находились ко дню капитуляции. Она была мало приспособлена к сибирскому ноябрю, так как капитуляция состоялась в мае. Одежда была не у каждого, и ночи в тоненьких палатках были очень неудобны. На попытки жаловаться лагерное начальство отвечало указаниями на неоконченные постройки землянок и перелагало таким образом ответственность на нас самих.

Землянка представляла собою длинную яму около 1,70 м глубиной, обшитую изнутри толстыми досками. Стропила начинались сразу от поверхности земли, оставляя промежутки для окон, сделанных мезонинами. Крыша забрасывалась землей, а зимой ее покрывали еще сугробы снега, расчищаемого только для окон и дверей. Полы клались непосредственно на землю; влажная земля под давлением досок проступала сквозь щели, и пол всегда был грязен, несмотря на то, что его мыли два раза в неделю.

Такие, землянки-бараки имели несомненное преимущество в том, что, несмотря на малое количество печей и отопительных материалов, в них всегда было тепло. Но зато всегда сыро, пахло баней и было невозможно проветривать.

Зимой вся территория лагеря покрывалась снегом высотой в один метр. Расчищались необходимые дорожки и зона около забора. Выбираемый снег выбрасывался на середину, так что общая высота его достигала двух метров. Таким образом весь лагерь превращался в узкий лабиринт глубоких ходов в снегу.

Кроме таких лагерей, существовали и старые лагеря, ранее предназначавшиеся для свободных рабочих. Там бывали бревенчатые бараки и даже каменные дома, и жилищные условия в них были значительно более гигиеничны, если не считать всегдашнюю тесноту. Но в такой лагерь я попал только один раз, хотя переменял в этой лагерной системе более десяти лагерей. Переброски бывали очень часто: перемещались целые батальоны на новые рабочие объекты той же системы.

В палаточном лагере построили бревенчатую кухню, и питание стало регулярнее. В первый год выдавался суп три раза в день. Потом из той же пищевой нормы стали выкраивать кашу один раз в день. Нормы питания вывешивались на доске в столовой. Основное питание - хлеб в количестве 650 г. плюс добавок 80 г в день взамен причитающихся 40 г рыбы, которая первый год не выдавалась; мяса - 17 г, жиров - 7 г, сахару - 13 г, крупы - 60 г, картофеля и овощей - 400 г.

Все это количество пищи составляет не более 1500 калорий, что является недостаточным даже, если бы целиком доходило до заключенного. Но нужно еще учесть систематическое воровство и недоброкачество продуктов. Советский хлеб выпекается

по рецепту, в других странах неизвестному. До 1949 года ржаная мука замешивалась на 70% воды; если ржаная мука такого процента воды не выдерживала, то добавляли овсяной; от нее хлеб становился немного суше, но зато приобретал горький привкус и рассыпался в крошки, даже будучи свежим. На тысячу порций такого хлеба - 200 выдавалось крошками в мисках. Такое приготовление хлеба было обязательно для всех, даже и вольных хлебопекаренъ.

Надзиратели получали свой паек вне лагеря, но все же приходили в хлеборезку и требовали себе хлеб целыми буханками. Терроризированный раздатчик отказать не мог и должен был потом покрывать недостачу урезками.

Хлеб был основным видом питания и, несмотря на его качество, всегда казался очень вкусным. Никому не приходило в голову жаловаться на его качество. Лишь бы давали побольше.

Картофель зимой всегда был мороженым. Иногда он временно оттаивал в хранилище, при этом истекал соком и превращался в сморщенную лепешку. Затем замерзал опять, и это повторялось несколько раз за зиму. Чистка такого картофеля давала от 30% до 50% отхода; от забродившего картофеля на кухне постоянно чувствовался сильный спиртной запах. Были случаи совершенного опьянения рабочих в картофельных хранилищах во время работы по переборке.

На воле также ели мороженую картошку. А из совершенно загнившей жарили лепешки и бойко торговали ими на базаре. Такие лепешки назывались "тошнотиками".

Воровство продуктов начиналось уже где-то наверху. Вольный заведующий лагерной продуктовой базой жаловался под пьющую руку, что он никогда не получает полного веса с центрального склада. Повар из заключенных, принимая ежедневную порцию продуктов, вынужден был расписываться в получении ее полностью, несмотря на систематические нехватки. Следующий этап воровства - кухня, где повара и поварята почти до нуля сводили такие ценные продукты, как мясо и жиры. Действительно: 17 г мяса на 1000 человек составляет 17 кг сырого веса с костями. Сваренное и очищенное от костей, оно весило не больше 10 кг. А поваров на кухне было до двадцати человек, не считая

их друзей, которым надо было дать что-нибудь получше, и надзирателей, тоже всегда голодных, которые часто заходили на кухню с требованием "чего-нибудь пожрать".

При варке пищи заготавливалось не меньше 20% лишних порций за счет добавляемой в котлы воды. Жиры в каше не размешивались умышленно, чтобы можно было комбинировать при выдаче.

Сахар выдавался специально сделанными мерками, рассчитанными на объем сухого сахарного песка соответственно положенному весу. Но мешки с сахаром уже на складе обставляли ведрами с водой, отчего сахар увеличивался в весе и объеме. В результате из 13 г сахара до получателя доходило не больше 10.

В конечном итоге нормы питания, рассчитанные уже в Москве, как минимальные, на месте превращались в недостаточные даже для неработающих.

Рабочие получали в виде поощрения некоторые добавки. Но для этого нужно было перевыполнять нормы, а люди уже обессилены. В редких случаях, когда удавалось уловками подсчета добиваться перевыполнения, получали по 100-200 г хлеба дополнительно. Однако после полугодового опыта работы на проценты, рабочие поняли, что затрачиваемая дополнительная энергия не окупается получаемыми добавками. Разумнее было бы работать без напряжения, не заботясь о нормах, но жадность к добавочным 200 граммам хлеба заставляла голодных людей выбиваться из сил.

Охрана лагерей и конвоирование заключенных (по-советски - "зэка") видоизменялись в зависимости от категорий. Наиболее легко охраняемы были военнопленные, так как МВД правильно учитывало, что для иностранцев освобождение заключалось не только в том, чтобы бежать из лагеря: нужно было еще пробраться через всю Россию и через границу. Не говоря уже о немцах, которых вскду можно было узнать по акценту, даже русские, не сроднившиеся с советским бытом, узнаются по первому взгляду и по первым словам. Русский язык проделал эволюцию, выражающуюся не только в новых словообразованиях, но также и в своеобразном складе речи, штампованных оборотах и фамильярно неб-

режном тоне, тоже заграничному человеку не свойственных.

В 1945 и 1946 годах лагеря военнопленных были окружены досчатым забором слегка врытым в землю, высотой около трех метров, спутанном наверху двумя-тремя рядами колючей проволоки. За первые месяцы плена побегы были очень часты (просто подрывались под забором). Но всех бежавших неизменно возвращали. Все население Сибири было привлечено к розыскам. Везде рассылались оповещения и предупреждения: за недоносительство налагается суровая кара; за указание выдаются натуральные премии (мука, сахар, мануфактура).

Детективная литература, обычная в руках подростков на Западе, заменяется для советской детворы шпионской литературой, в которой охота за человеком изображается, как увлекательная игра и спортивное достижение. Часто беглецы в дороге, избегая взрослых, обращались за справкой и помощью к подросткам, и те, делая сочувственное лицо, неизменно навели полицию на след. За это "героев" чествовали в школе и в пионерско-комсомольских организациях.

Пойманных беглецов избивали до полусмерти. Это - месть конвойных за те крупные служебные неприятности, которые они терпели в случае удачного побега. Были случаи, когда часовой, прозевавший побег, сам получал срок наказания лет до десяти.

Вообще в эти первые годы от рядовых конвойных специально требовали жестокого и грубого обращения с военнопленными. Если приходилось жаловаться, то начальство, пожимая плечами, говорило: "Что делать? невозможно удержать людей от проявления законного негодования к фашистам и изменникам родины".

Однако это "законное негодование" совершенно не замечалось при контакте с населением. Однажды мы проходили около школы. Дети начали кидать в нас камнями, но сейчас же можно было видеть настоящее негодование взрослых против такого поведения детей, воспитанного школой. Взрослые разгоняли детей, дергая их за вихры и за уши, и слышны были возмущенные голоса: "И чему вас только учат в школе?".

Постепенно ограда лагерей совершенствовалась. Досчатый забор заменился бревенчатым, зарытым на 70 см в землю. Внутренняя зона перед забором очищалась от травы, порекапывалась

и тщательно разравнивалась граблями, чтобы каждый след отчетливо отпечатывался. Затянули колючей проволокой и внутреннюю и наружную зоны. Малейшее проникновение в зону вызывало немедленный и меткий выстрел. Можно было подумать, что МВД, взводя эти усовершенствования, постепенно училось искусству охраны.

То же можно сказать и про внутреннюю организацию лагеря.

Первым наскоком на организацию было назначение команданта и старост из среды заключенных. Так как организация внутреннего порядка была жизненной необходимостью для самих заключенных, то административные функции, выполняемые самими заключенными, не рассматривались нами как измена товариществу. Наоборот: эта администрация была как бы смягчающим буфером, избавляющим пленного от непосредственного контакта с враждебным, злым начальством.

В первые дни, например, пищу начали выдавать по живой очереди для всей двухтысячной массы заключенных. Когда повара выдали уже больше двух тысяч порций, оказалось, что половина не получила еще ничего и так и осталась голодной. Тогда стали строить маленькие очереди по палаткам под ответственность старшего палатки, который должен был знать каждого подходившего в лицо. Но это было трудно, так как палатки включали до шестидесяти человек, и злоупотребления (хотя уже в значительно меньшей степени) продолжались. Оказалось необходимым добавить к старостам помощников. Организация была необходима и на работах. Заданный урок нужно было справедливо разделить на всю совместно работающую группу. Следовательно, и в этом случае бригадиры, назначенные из своей среды, играли роль положительную, хотя бы в то же время они и служили интересам МВД, увеличивая продуктивность труда.

Администрирование товарищей по заключению было пробным камнем для дипломатических способностей, изворотливости и товарищеской порядочности. Нужно было подгонять ленивых, хотевших провести легкий рабочий день за счет работающих товарищей. Но эту подгонку можно было проводить в строгих пределах необходимости или можно было усилить, чтобы выслужиться у начальства. Не каждый из бригадиров выдерживал эту линию. Если же

бригадир слишком благопрятствовал рабочим, то он смеялся, претерпевал гонения и наказания, а рабочий, вместо бригадира-товарища, получал другого, всецело угождающего начальству.

То же следует сказать относительно старосты барака. Он имел возможность скрыть не выпедшего на работу; мог сам определять достаточность мотивов для невыхода. Можно было покрыть одного, двух... Если же несколько человек злоупотребили этой возможностью, то попадались все, и строже всего наказывался староста.

Особенно трудна была роль лагерного коменданта, на котором лежала вся ответственность за выход на работу и за выполнение необходимых работ внутри лагеря. Где есть ответственность, необходимы санкции. И, в заботах о всех, комендант должен был жертвовать единицами, докладывая начальству в случае невыполнения его распоряжений.

Также и на этом посту бывали люди, сумевшие сохранить правильную "генеральную линию". Бывали и такие, что временно служили МБД. Бригадиры, старосты и все административные лица, то есть все, не занятые тяжелым трудом, получали официально двойную порцию.

В лагерях военнопленных административные подразделения имели военный характер. Национальная группа составляла батальон. Он разделялся на роты, а рота - на бригады. Командиры батальонов и рот поддерживали дисциплинарный порядок; бригадиры - руководили работой. Первые месяцы мы носили военную форму и ходили на работы военным строем в ногу и с песнями. Но скоро пришел приказ о демилитаризации, запрещений маршировки, песен и знаков отличия. Однако немецкая форма без погон и галунов сохранилась до выдачи зимней одежды. Командиры подразделений назначались лагерным начальством из среды русских офицеров, не считаясь с чинами. Бригадиры тоже постепенно заменялись русскими; только в редких случаях, когда бригада выполняла квалифицированную работу, сохранялись были немецкие руководители-специалисты.

К концу ноября 1945 года выдали зимнюю одежду. Она состояла из бушлата, ватных штанов, валенок и шапки-ушанки. Все это (как и рукавицы) было шито из легкой колениковой

ткани с прослойкой грязной ваты. При починке или замене одежды вата перекладывалась из старой в новую, сохраняя таким образом свои многолетние запахи. При всей своей некачественности и негигиеничности одежда эта была для сибирской зимы достаточно теплой. Только рукавицы, также сшитые на стеганой вате, были, хотя теплы, но странно неуклюжи и, чтобы пользоваться ими на работе, требовался известный навык.

В особенности теплыми, но и особенно грязными были коврики или бараньи полушубки. Они же служили для укрывания в постели, так как жиденькое одеяльце согревало плохо. Полушубков хватало на 50% заключенных и их выдавали по степени заслуженности в работе. Конечно, все бригадиры снабжались в первую очередь. В этой одежде мы ничем не отличались от вольного населения, так как одежда в Советском Союзе еще много лет после войны служила лишь для своего прямого назначения: прикрывать и согревать. Эстетика не играла никакой роли.

Белья долгое время не получали никакого. Собственные вещи были почти целиком конфискованы при приезде. Из большого запаса личного белья, привезенного военнопленными с собой, оставили лишь две наиболее поношенные смены и одну пару обуви. Вместе с тем предупредили нас, что оставленные нам вещи являются отныне собственностью советского государства, данной нам для пользования; мы должны очень бережно носить эти вещи, особенно обувь. При этом отобрали сапожную мазь и щетки. И белье, и обувь очень быстро пришли в негодность. Очень многие до получения казенного белья (частично в декабре) остались на месяцы совершенно без белья.

Порядок дня в лагерях был следующий. Подъем в 6 часов; завтрак - до 7; развод и выход на работу - до 8 часов. Затем проверка оставшихся и распределение на внутренние работы. Почти все освобожденные по болезни составляли актив для обслуживания лагеря: уборка барачков и двора, заготовка дров на кухню, снабжение водой (водопровод - явление редкое, даже если лагерь находится почти в городе); затем - починки по барачкам и в окружающей ограде и чистка уборных. В 12 часов обед. Часть ра-

бочих возвращалась на обед в лагерь. В столовую вызывали по-ротно. Посуды не было. Каждый, кто не имел котелка (оставшегося с войны), приспособлял консервную банку, вместительностью в 800 грамм и в нее получал из кухонного окошечка свою порцию супа, которую уносил в барак (отсловых в первый год еще не было). Ложки - свои, если были. В противном случае ели без ложки, высасывая жидкость и помогая щепочкой. Иногда обед затягивался так, что рабочие роты уже уходили опять на работы, в то время как остающиеся в лагере инвалиды и больные только приступали к получению обеда.

Начиная с шести часов вечера, роты возвращались на ужин. К этому времени устраивали поверку. Иногда она совпадала с ужином, тогда ужин приостанавливали. Для поверки выстраивали на линейке всю наличность лагеря от одной до двух и более тысяч человек (смотря по лагерю) в пять шеренг. Для безошибочного подсчета в наступавшей темноте нужна точность строя. Но умышленная "де милитаризация" отучила недавних военных от строя. И оттого поверка затягивалась часами в полной темноте, с фонарями в руках. Некоторые по должности не могли выходить на поверку (как, например, кухонные служащие), их нужно было проверять по-одиночке. Начальство выходило из себя, ища способ найти, наконец, соответствие наличности со списками. Иногда поворачивали строй "направо", и ряд за рядом с большими интервалами дефилировали перед считающими. Измученные люди невнимательно слушали команду, отставали из рядов, и опять подсчет не давал желаемого результата. Иной раз говорил так до поздней ночи, когда, наконец, можно было вернуться в свою темную палатку и там наскоро вылебать остывшую баланду.

Совершенно измученные полуторамесячным путешествием в переполненных товарных вагонах военнопленные по прибытии в сибирские лагеря были явно непригодны к работе. Был дан двухнедельный отдых. Затем появилась медицинская комиссия для установления рабочей трудоспособности.

В эти годы трудоспособность в лагерях (как и на воле) разделялась на четыре категории: I - тяжелый труд, II - со-

легченый труд, III - индивидуальное использование с учетом частичной инвалидности и IV - полная инвалидность.

В комиссии присутствовали с правом совещательного голоса и наши врачи из военнопленных. Так как все чины корпуса еще в немецкой армии считались пригодными, то, за исключением нескольких человек, раненых в последние дни перед капитуляцией, почти все оказались в I и II категориях. Между ними фактически была только та разница, что II-ю категорию не назначали на подземную работу в шахтах. Попавшие в III-ю категорию (например: ампутированная рука, поврежденная нога, нехватка пальцев и т.п.) должны были почти каждый день при назначении на работы отстаивать свои инвалидные права; и это не всегда удавалось. Даже IV-ю группу полных инвалидов не оставляли в покое, требуя от них работ по обслуживанию лагеря. Как общий принцип, ни один рабочий первых двух категорий не мог быть употреблен для внутрилагерных работ. Впоследствии этот принцип распространили и на III-ю категорию.

Лагери, находившиеся на окраинах гор. Прокопьевска, использованы были для работы на фабриках. При назначении на фабрики отбирали специалистов. Фабрики не были специальным объектом для заключенных, поэтому там неизбежен был контакт с вольными, и работой руководили вольные начальники. Такие работы резко отличались от работ на специальных объектах человечностью отношений и отчетливо ощущаемой атмосферой сочувствия. За работу вычислялась заработная плата, которая почти целиком кассировалась администрацией. Оставались, правда, иногда очень небольшие излишки, которые через несколько месяцев неожиданно выплачивались на руки.

Чаще приходилось работать на объектах, специально предназначенных для заключенных. Здесь обстановка была много хуже, так как постоянно приходилось быть под наблюдением грубого конвоя, не стеснявшегося применять и побои, если прилежание казалось недостаточным. Очень многие заключенные уже убедились в том, что затраченная энергия не окупается ничтожными пищевыми прибавками. К тому же начинало чувствоваться общее истощение, отчего производительность труда непрерывно снижалась.

Если выработка не достигала 50% нормы, рабочие переводились на штрафной паек (хлеб - 300 г в день), и тогда уже не оставалось более никакой надежды на улучшение положения, кроме серьезного заболевания, позволявшего надеяться на больничную койку.

Этот метод штрафных пайков за невыполнение нормы применялся и к животным. Если корова в колхозе не давала предусмотренной нормы молока, ее тоже переводили на штрафной паек. Может быть, это покажется анекдотичным, тем не менее это не анекдот, а прекрасный образец советского хозяйства. Корм молочному скоту выписывался пропорционально удойности. При малой удойности бригадир получал уменьшенный рацион и должен был соответственно уменьшать дачу. Так что, если уменьшение пайка и не предполагалось, как наказание, то таковым оно являлось фактически.

Лучше всего была работа в колхозах. При всей собственной бедности крестьяне-колхозники поддерживали заключенных пищей сверх полагающейся от лагеря. Здесь удавалось получать такой редкий в Советском Союзе продукт, как молоко.

Голод подошел исподволь. Некоторый запас энергии, привезенный еще с воли, поддерживал военнопленных первые два-три месяца. Непривычно грубая, однообразная и даже грязная пища не способствовала аппетиту, и многие вначале не считали необходимым съедать все получаемое. Так, например: если попадались куски вонючего мяса, их выбрасывали. Пересоленную селедку тоже не съедали. Иногда оставалась в мисках невкусная перловая или ячневая без всяких жиров каша...

Скоро перестали привередничать; но здоровье уже сильно пошатнулось. Еще прежде чем наступил тотальный голод, появились злобные признаки авитаминоза, выражавшиеся в опухании и кровоточении десен, расшатывании и выпадении зубов, появлении злокачественных прыщей и незаживающих, постоянно растущих язв на ногах. Чтобы обмануть голод, стали есть тебеду и варить суп из селедочных костей. Все больше и больше пили подсоленный кипяток, чтобы заполнить пустой желудок. Появились водянка и дезинтерия.

Общий авитаминоз вызвал дистрофию - сочетание цинги и

лими болезней, немецким врачам ранее неизвестных. Это было дистрофическое высыхание мускулов, кожи и слизистых оболочек. Кожа стала шелушиться, приобретаю на всем теле характер рыбьей чешуи, от расчесов отваливалась хлопьями, иногда обнажал мясо до крови. Слизистая оболочка носа и рта высыхала так, что жевание пищи вызывало поранения полости рта. Глаза высыхали так, что утром при пробуждении нельзя было их открыть, не смочив предварительно водой. Один из врачей рассказал мне о двух ему известных случаях выпадения пересохших глаз из орбит.

При таком состоянии любое недомогание оканчивалось смертью. В больничных листах поэтому всегда указывалась какая-нибудь другая причина смерти вместо действительной - голода и дистрофии.

В 1946 году смертность достигла огромных размеров, поражая не только тех, кто уже раньше был не очень крепок, но и молодых и здоровых, которые неразумно перенапрягали свои силы для выработки добавочного питания. К концу 1946 года в моем лагере умерло около 25% состава.

Лагерная гигиена соответствовала общему характеру содержания заключенных. Устраиваясь на новом месте, на огороженном лугу без всяких признаков жилья, заключенные заботились прежде всего об устройстве кухни, а затем жилища. Из гигиенических построек начинали с примитивных уборных; затем нужно было построить амбулаторию и стационар (вроде полевого лазарета; несколько коек при амбулатории). Баня появилась лишь к концу 1945 года, а пока - мылись кто как мог. Вода привозилась бочками, и ее едва хватало для кухни. Бритье заменялось стрижкой под машинку. Ко времени появления прачечной, собственное белье уже превратилось в лохмотья, и только к началу 1946 года начали частично (в первую очередь рабочим) выдавать белье. Вошь завоевала себе полное право гражданства. Вшивость доводила людей до истощения от невозможности отдохнуть и выспаться. Врачи указывали, что в некоторых случаях смерти от истощения вшивость сыграла решающую роль.

В конце 1946 года была предпринята радикальная борьба со вшивостью. Кроме уже функционирующих бань и парикмахерских завели "прожарки", то есть дезинфекционные камеры для белья

и одежды. И осенью 1946 года начались бани с "прожаркой", после чего было выдано свежее белье. В тот же день после бани санитарный осмотр опять обнаружил наличие вшей. На другой день дезинфекцию баней и "прожаркой" опять повторили. Вошь не поддавалась. Операцию повторяли ежедневно, иногда по два и по три раза в день. Это продолжалось почти две недели, пока вошь не исчезла. И с тех пор - навсегда. За все последующие десять лет я ни в одном лагере на всей территории Сибири не наблюдал вшивости. Отдельные случаи незамедлительно ликвидировались.

При переходе в деревянные бараки встретились с другим врагом - клопами. Борьба с ними была очень трудной, потому что они жили в деревянных стенах, защищенных плохой штукатуркой с неизбежными щелями. Это насекомое сопровождало нашу жизнь во всех лагерях и до конца не было побеждено.

Тяжелое физическое состояние заключенных породило моральную угнетенность. Прежде всего тяжело действовала неизвестность намерений власти, в особенности по отношению к русской части лагеря. Пока русские, повидимому, считались такими же военнопленными, как и немцы. Русские имели то преимущество, что ими занимались все должности в лагере, на которых можно было лучше питаться. Но в свои права военнопленных они сами плохо верили. Они не имели никакой надежды вернуться обратно в те страны Европы, где у них были семьи и налаженная жизнь. Некоторые (весьма немногие) решили перестроиться на советский лад и выслуживались перед властью, надеясь заслужить прощение. Из таких выходили энергичные и жестокие бригадиры и коменданты. Они получали совершенно достаточное питание и лучшую одежду. И, конечно, не обязаны были работать. Остальные погибали от истощения, тем более, что возрастной уровень эмигрантов был значительно выше немецкого. В конце 1945 года в лагерях появился СМЕРШ. Это был розыскный орган МГБ, который имел назначение проверить деятельность в прошлом и во время войны каждого военнопленного, русских в особенности. СМЕРШ занимал помещение в одном из барачков, где находились

служебные комнаты. Окна в этом помещении были зарештены и стены обиты войлоком, чтобы никакой звук оттуда не проникал наружу. Однако дикие крики истязуемых доносились сквозь стены и удручающе действовали на остальных, ожидающих очереди быть вызванными. Допросы происходили главным образом по ночам и заканчивались полной изоляцией жертвы в карцере. Тем не менее кое-что о системе розыска удалось узнать. Следователь СМЕРШа составлял предполагаемое обвинение, не имея для начала никаких фактов. Обвиняемый вынужден был рассказывать о себе очень подробно, чтобы таким образом отклонить чудовищное предположительное обвинение. Из рассказанного следователь составлял новое обвинение, иногда менее сильное, но уже до некоторой степени подтвержденное рассказом обвиняемого. Затем он требовал имен свидетелей и соучастников. И под пытками заставлял называть новые имена. Так как 15 кавалерийский корпус находился здесь в полном составе, названные люди в свою очередь вызывались для допроса и подвергались той же участи. Материалы разрастались как снежный ком. Каждый допрос привлекал к делу все больше обвиняемых. В некоторых случаях собранные материалы оказывались достаточными для заочного решения. Для ускорения процедуры таких без нового допроса в СМЕРШе прямо отправляли в тюрьму.

Все обвинения, предъявляемые при допросах, касались действий воинских частей против партизан или немецкого розыска среди коммунистического подполья. Уже самый факт принадлежности к формированиям, назначенным для борьбы против партизан, считался преступлением. От каждого обвиняемого требовали признаний: 1) об уводе скота; 2) об уводе военнообязанных мужчин из оккупированных областей; 3) о мобилизации населения на работы; 4) о действиях против партизан; 5) о расстрелах партизан и 6) евреев. Обязательно добивались признания по одному из перечисленных пунктов. Стены комнаты допросов СМЕРШа были обильно забрызганы кровью, так что "сознавались" все без исключений. (Однажды я был назначен на уборку комнаты допросов, и мне стоило большого труда оттереть все брызги крови на штукатурке стен, на стеклах окон и целые лужи на деревянном полу; последние пришлось выскребывать стеклышком, и все-таки следы оста-

лись. За оставшиеся следы я получил трое суток карцера). При обвинении в расстрелах необходимо было указать возможно большее число жертв. Если же допрашиваемый называл слишком большие, превосходящие вероятные цифры, следовательно сам уменьшал эти цифры, чтобы сделать их правдоподобными. Я знаю одного немца, который упирался долгое время, называя цифру им расстрелянных - два, три, потом десять и, наконец, чтобы сократить допрос, "признался", что он лично расстрелял десять тысяч человек. Тогда следовательно стал торговаться. Остановились на цифре - восемьсот человек. И эта цифра была внесена в обвинительный акт, а затем и в приговор. Так фабриковались "особо тяжелые преступники". Чин, должность и личная ответственность обвиняемого не имели никакого значения. Точное исполнение приказания ставилось в более тяжелую вину чем авторство приказа. Бывали случаи вынесения коллективных приговоров: по-ротно или по-батальонно.

Через несколько месяцев деятельности СМЕРШа в лагерь начали поступать сведения о вынесенных судами приговорах; они оказались неожиданно мягкими: от 5 до 12 лет. Уже впоследствии выяснилось, что все такие приговоры были дополнены простым распоряжением из Москвы до 15, 20 и 25 лет. Эти добавки просто объявлялись осужденному под расписку.

Юридическая формулировка приговора зависела от степени грамотности судей. Писали по-разному: лишение свободы, заключение в тюрьму, заключение в исправительно-трудовых лагерях, в особо-удаленных лагерях и тому подобное.

Фактически все эти квалификации наказания (кроме каторжных работ) не имели никакого значения, так как МВД распределяло всю массу осужденных по своему усмотрению. Приговоренные к каторге в большей части отбывали наказание в тюрьме, и лишь после 1951 года их стали распределять по лагерям, где они смешались с обычными заключенными без особого внимания к каторжному приговору.

И наоборот: все осужденные по различным пунктам § 58 и указу 1943 года, попавшие вначале в лагеря обычного режима, в 1949 году были собраны в лагерях особо-удаленных, куда позже привезли и каторжников.

Работа СМЕРШа подвигалась очень медленно. В Европе уже заинтересовались судьбой многомиллионной массы пленных, и нам объявили, что все военнопленные будут отправлены домой не позже конца 1948 года. Это решение определило судьбу русских военнопленных, которых в Европу отправлять не собирались.

Для русской части лагеря пришел другой приказ. Правительство уже выделило наиболее виновных, получивших кару, и теперь находит возможным предоставить остальной массе военнопленных условную свободу (так называемое "расконвоирование"). Они будут расселены в вольных квартирах в окрестностях Прокопьевска и смогут честным трудом заслужить себе прощение. Рекомендовалось войти в связь со своими семьями и выписать их к себе. Многие так и поступили. В конце 1946 года раскрылись для русских лагерные ворота и иностранцы остались одни.

Но работа СМЕРШа продолжалась. Следовательно так же легко находил свои жертвы в вольных жилищах, как это было в лагере. К 1950 году, когда мы все оказались в лагерях особо-отдаленных и научились способам поддерживать междулагерную связь по всей Сибири, выяснилось, что никто из расконвоированных не избежал СМЕРШа. Не было ни прощенных, ни забытых. Все до последнего получили наказание от 15 до 25 лет. И вызванные для совместной жизни семьи вновь остались одни уже в Сибири и пополнили массу "добровольных" сибирских поселенцев.

Голод, болезни, тяжелая, для истощенных мускул непосильная работа, неизвестность будущего и, главное, СМЕРШ естественно влекли за собой страшную моральную подавленность. Безнадежность и апатия, постоянные думы о пище тяжело давили на человека, снижая его моральную стойкость. Большинство заключенных это сознавало, чувствовало угрозу нравственной деморализации и, как могло, с ней боролось.

Деморализация начинается с потери интереса к своей внешности и чистоте. Неввероятно грязные обноски, отсутствие белья, отсутствие возможности мыться и бриться доводили внешний облик человека до скотского состояния. И все же отдельные, более крепкие люди старались приводить себя в порядок и воздей-

ствовать примером и увещанием на остальных. Воды часто не хватало для приготовления пищи. Тогда разогревали снег, который в угольном районе давал похожую на чернила воду, и умывались в этой воде. Кипятили на кострах завшивленную одежду (для этой цели нужно было найти "по знакомству" ведро); устраивали по вечерам совместный поход на вшей, которых уничтожали по одной, ногтями. Помогало все это очень мало. Но самая забота о чистоте уже была лучше, чем полная распушенность. Изголодавшиеся люди рылись в помойках в поисках забытой картофелины. Товарищи их отгоняли иногда даже с применением физического воздействия.

Участились мелкие кражи. Относительно краж установилась следующая, несколько "облегченная" мораль. Кража из казенных складов не осуждалась вовсе. Раз мы до сих пор в плену, для нас продолжают действовать военные законы: продовольствие есть военный трофей. Но кража у товарища считалась особенно тяжким преступлением. Вначале меры принимались очень суровые: вплоть до телесного наказания по приговору товарищеского суда. Но суровость первых дней скоро ослабела: не хватало духа строго осуждать голодного, хотя бы он совершил самую подлую из краж, украл кусок хлеба у такого же голодного.

Все учащавшиеся случаи доносительства и предательства оставались все-таки единичными. Предательство расценивалось начальством недорого, например, двумя-тремя тарелками супа. Но и это бросалось в глаза, и узнанные предатели наказывались бойкотом и презрением (в последующие годы их убивали). Доносы на допросах, если становились известными, замалчивались. Об этом старались не думать, делая вид, что не знают и не хотят знать о таких случаях. Осудить замученного штыками ни у кого не хватало духа.

В первые годы плена знакомство с советскими людьми ограничивалось почти исключительно охраной и лагерной администрацией. При этом сразу резко бросалась в глаза разница между офицерами охраны и офицерами розыска. С последними встреча-

лись только на допросах; к лагерной жизни они никакого отношения не имели. Офицеры СМЕРШа почти всегда принадлежали к типу садиста, совершенно не считающегося ни с какой законностью, даже советской, цинично проявлявшего свою безграничную власть и совершенно не интересовавшегося истиной при производстве допросов. Теперь из показаний самого Хрущева известно, что пытки и избиения вовсе не нарушали советского закона. Следователи имели секретную инструкцию применять все средства для получения собственноручной подписи обвиняемого под обвинительным актом.

Офицеры охраны были значительно мягче. Часто приходилось даже искать у них защиты от грубости, произвола и грабежа со стороны рядовых охранников. Но поражал их облик, совершенно не соответствующий европейскому или русскому дореволюционному. Крайняя их некультурность доказывалась прежде всего безграмотным языком и отборными ругательствами, превосходящими своей изысканностью все, что когда-то известно было о морских боцманах.

За одиннадцать лет наблюдений можно было установить постепенную эволюцию к лучшему. Приводимая характеристика касается периода 1945-1946 гг., описываемого в этой главе.

Очень большое впечатление на всех произвел первый случай беззастенчивого обмана. Однажды на базаре арестовали торговку за продажу рубашки лагерного происхождения. Все пленные были выстроены на линейке, и начальник лагеря, майор, объявив о случае продажи лагерной рубашки, разъяснил, что это деяние преступно и предложил виновному назвать себя. Он добавил, что для первого случая никакого взыскания наложено не будет. Он думал, что виновный действовал по незнанию и неосознанности. Это было действительно так: мы полагали себя вправе продать собственную вещь. Один из немецких офицеров назвал себя, сказав, что он, действительно, действовал по незнанию. Он тут же получил десять суток карцера.

Удивил нас только первый случай. Скоро мы убедились в том, что обман у советских властей совершенно не считается предосудительным. На работе объявляют, что по выполнении урока ра-

бота на сегодня будет закончена. Рабочие из кожи вон лезут, чтобы сократить рабочий день. И по выполнении урока им дают другую работу до установленного часа. Обещают за досрочное выполнение работы "добавку" супа, а затем объявляют, что добавки дать нельзя, так как супа не осталось. Вызывают добровольцев на какую-то приятную легкую работу; оказывается, что работа еще труднее обычной.

Таким образом, циничная лживость была первой чертой офицера МГБ или МВД. Затем - воровство из пайка заключенных. Иногда при очевидной несправедливости в выдаче какого-нибудь продукта пытались жаловаться начальству. И с совершенной очевидностью убеждались, что начальство покрывает виновного, потому что само принимает участие в дележе недоданного.

Иногда встречались в числе чинов администрации женщины; по большей части - жены лагерных офицеров. Их язык ничем не отличался от языка их мужей и рядовых солдат. Та же безграмотность и часто та же циническая ругань с отчетливым произношением самых невозможных слов.

Вполне допускаю, что в советской армии люди и нравы были иными. Удостовериться в этом ни разу не пришлось.

Несколько особо стоят советские врачи, с которыми в лагерях приходилось часто сталкиваться. Медицинское обслуживание в лагерях лежит главным образом на медиках всех рангов из среды военнопленных или заключенных. Однако начальником МСЧ (медицинско-санитарная часть) всегда является советский врач, принадлежащий к МВД, и только он утверждает все медицинские акты, имеющие административное значение, а именно: освобождение от работы и назначение стационарного лечения (назначение рабочей категории зависит от специальной комиссии, посещающей лагерь четыре раза в год).

В этих официальных актах советские врачи лишь до некоторой степени придерживаются интересов эксплуатации труда. Необходимо отметить, что некоторая медицинская этика существует даже у этих врачей МВД, и к здоровью больных они относятся действительно с профессиональным интересом. Другое существенное замечание: советские врачи с большим уважением относятся к европейски-образованным врачам из заключенных и

редко возражают против их диагнозов, хотя бы эти последние и нарушали интересы эксплуатации труда. Среди советских врачей - большое число женщин. Эти женщины-врачи за редким исключением вполне соответствуют назначению врача. От них мы получили много помощи и поддержки.

С вольными приходилось встречаться или по пути на работу, или на самой работе. Всегда и неизменно наблюдалось полное сочувствие вольного к заключенному независимо от национальности последнего. Уже издавна русский человек относился к заключенному, как к "несчастенькому". В Советском Союзе наказание, видимо, совершенно потеряло всякую позорность. Большая часть русского населения связана с населением лагерей кровным родством. А советское правосудие и его методы давно известны всему русскому народу.

Внешнее проявление сочувствия со стороны вольных выразилось в передаче папирос или махорки по пути (несмотря на риск претерпеть большую неприятность, вплоть до ареста) и в поддержке пицей в тех случаях, когда приходилось работать вместе. Но от разговоров уклонялись, опасливо оглядываясь.

Пользуясь контактом с вольными на общих работах, заключенные совершали с ними различные торговые сделки: продажа куска лагерного мыла или белья; продажа ценных вещей, вроде утаенного обручального кольца или золотого крестика. В этих торговых сделках мы претерпевали порой много разочарований. При продаже ценной вещи за продукты невозможно было сразу получить соответствующий эквивалент из-за его объема. Но отдавая, например, кольцо, с условием на выплату в несколько приемов, никогда не получали условленного. Торговать в Советском Союзе можно только из рук в руки, иначе обманут обязательно. И это при вполне сочувственном отношении.

Г л а в а II

Тюрьма (1947 г.)

Тюрьмы в Сибири очень многочисленны и, тем не менее, не

могут вместить всех заключенных при соблюдении нормального расселения. Мне ни разу не приходилось быть в тюрьме старой постройки (кроме пересыльной). Те же, с которыми я лично познакомился, являлись помещениями импровизированными.

Обычно это был крепкий деревянный дом на каменном фундаменте с глубоким подвалом. Его окружает трехметровый бревенчатый забор, усиленный наверху колючей проволокой. Внутри ограды находятся отдельно отгороженные прогулочные дворы (их всегда несколько, так как каждая камера выходит на прогулку отдельно), помещение бани и кухни. Административные помещения находятся снаружи и, в свою очередь, обнесены таким же забором. Чтобы проникнуть в тюрьму, нужно пройти запертое помещение первой ограды, проходную будку второй ограды и зарешетенный вход в тюремный корпус. Чтобы дойти до камеры нужно еще внутри корпуса пройти две-три запертые решетки, разгораживающие корпус на секции. Охрана на вышках внутреннего двора несет свою службу так, как если бы этот забор был последним. Проходная будка имеет три запора: вход и выход плюс запертая решетка посередине. О побегах из тюрьмы слышать не приходилось.

Во внутреннем дворе, как я уже сказал, - несколько высоко огороженных двориков для прогулок. Над каждым двориком возвышается башенка для надзирателя, наблюдающего за прогулками. В дворик вводится только одна камера, и прогулка продолжается двадцать минут. Дворик имеет размер 10 х 10 метров, иногда меньше. Стены дворика испещрены краткими надписями и знаками для обмена известиями между камерами. Это строго запрещено, но надзиратель не успевает проследить за передвижением каждого на прогулке.

Окна тюрьмы, кроме решеток, закрыты еще деревянными ящиками, так что свет проникает только сверху. Все помещение внутри цементировано. Подвальный этаж предназначен для заключенных по ст. 58 и за особо тяжелые уголовные преступления. Большая часть сибирских тюрем предназначена для подсудимых, так как уже осужденные расселяются по лагерям. Лишь приговоренные к каторге (срок каторги неизменно 20 лет) до 1951 года отбывали наказание в тюрьмах. Таких было около 5%.

Небольшая тюрьма в г. Сталинск-Кузнецке предназначалась приблизительно для 300 человек. В мое время там находилось свыше 1500 заключенных. Камеры разных размеров. В бывших оди-ночках живут от четырех до десяти человек. Спят на двухэтаж-ных нарах и под нарами. Часть нар покрыта матами или ватными тюфяками; их не хватает на всех. Нары оставляют проход около метра шириной. Камеры отапливаются печами из коридора, но в отоплении, даже в самые сильные морозы, почти нет надобности: при очень слабом притоке воздуха масса человеческих тел нагре-вает камеру больше, чем достаточно. Днем и ночью горит зареше-тенная лампочка. В дверях небольшое окошко для приема мисок с пищей. Кроме того, в дверях и в стенах проделаны волчки для наблюдения с таким расчетом, что никакой угол камеры не усколь-зает от поля зрения волчков. Эти же волчки при надобности мо-гут служить амбразурами для обстрела каждой точки внутри ка-меры. Таким образом производились массовые расстрелы в 1942г. при приближении неприятеля.

Окованные железом массивные двери снабжены огромными зам-ками. Камерный ключ около 30 см длины служит надзирателю так-же в качестве оружия и средства физического воздействия. Ог-нестрельного оружия внутри тюремного корпуса никому иметь не полагается, так как часто бывали случаи нападения на надзира-телей. Оружие могло бы попасть таким образом в руки заключен-ных.

Надзиратели внутри корпуса, вообще говоря, не являются охраной; настоящая охрана помещается только вне корпуса и принимает выходящих на прогулку или по иным вызовам на дистан-ции 5-8 метров с оружием в руках. Внутри корпуса охрана вход-ит лишь по тревоге целым вооруженным отрядом. Общее число надзирателей не превышает тридцати человек. Охраны значитель-но больше. Среди надзирателей, даже в мужских секциях, встре-чаются и женщины.

Состав заключенных очень разнообразен. Большую часть их составляют обыкновенные советские обыватели по всяким бытовым обвинениям, не носящим по европейскому пониманию уголовного характера. Очень много дел о незаконной торговле. По совет-ским законам можно продавать на базаре излишки сельскохозяйст-

венных продуктов личного труда при неизменном условии, что все государственные поставки выполнены. Можно продавать личные веди, в которых владелец больше не нуждается. Совершенно запрещается перекупка и продажа продукции кустарного труда. Эти драконовские законы нарушаются непрерывно, и таким образом базар поставяет очень значительную часть заключенных. Одно время колхозники затеяли было разведение кроликов, как самый дешёвый источник мясного снабжения. Много десятков тысяч попало в тюрьму за это нововведение, как за незаконное единоличное хозяйство и незаконную торговлю. Закон о прогулах, о самовольном оставлении работы также породил много жертв. Нововведенный закон о хулиганстве направил в тюрьму всех замеченных в пьяном виде в общественных местах. А в России и раньше и теперь если пили, так пили всерьез, а не "мучились", как называют в Советском Союзе употребление алкоголя рюмками (рюмки, кстати сказать, совершенно вышли из обихода). Затем идут нарушения и злоупотребления по службе: продавцы магазинов - за продажу "по знакомству", администраторы производства за использование государственного имущества для личных целей (поездка на казенном автомобиле по своим делам), общественного труда для личных надобностей (послал уборщицу прибрать свою квартиру), незаконное направление фондов (превысил фонды поощрения); бухгалтеры и кассиры за небольшие подделки и растраты (например, нехватка одного рубля в кассе при внезапной ревизии). Не следует думать, что речь идет о коренной переделке нравов. Часто эта неосуществимая в постоянном применении строгость законов использовалась для сведения личных счетов. Чтобы избавиться от неприятного подчиненного, можно было всегда пустить в действие какой-либо из параграфов закона. Но тот же закон безмолвствовал, если отношения с начальством были хорошими.

Много было крестьян, заключенных за нарушение законов о колхозном труде и приусадебных участках. Как ни ничтожны были "собственные" участки колхозников (они измеряются сотыми частями гектара), эти участки привлекали все внимание, всю любовь к земле русского крестьянина.

Все эти "преступления" являются следствием специфическо-

го советского законодательства. В нравственном сознании человека эти проступки не только в свободном мире, но и в Советском Союзе никак не совпадали с понятием преступления. Именно по этой причине наказание по советскому суду в народе перестало быть позорным.

Затем идут уголовники. Это - почти всегда люди, принадлежащие к особой касте, имеющей свою особую мораль и законы, которые в этой среде являются связующим и организующим ее цементом. Они разделяются на: 1) блатных, 2) воров и 3) шпану. Эта группа состоит сплошь из рецидивистов; в тюрьме они - свои люди и являются хозяевами положения. Вся внутренняя жизнь тюрьмы определяется как компромисс между тюремным регламентом и блатными законами, причем превалируют последние.

Особой группой являются "политические". Эта квалификация условна во всех отношениях. Во-первых, потому, что советский кодекс такой квалификации не знает. Все обвиняемые и осужденные по 58 статье официально уголовники и теоретически ничем не отличаются от тяжких уголовников. Во-вторых, потому, что "политических" преступников в европейском понимании этого слова в Советском Союзе действительно нет или почти нет, так как нет организованной оппозиции власти.

Что такое революционная работа, мы видели на недавнем примере в начале столетия. Тогда Россия была пронизана нелегальными группами, руководимыми организационными центрами (партии СР и СД). Полиция их преследовала, арестовывала, и все же они существовали. И об их существовании знала вся Россия.

Конечно, в Советском Союзе нет ничего подобного. Немыслимо, чтобы во всех моих одиннадцатилетних скитаниях по тюрьмам и лагерям я никогда не встретил ни одного члена (или даже причастного) тайной организации, ни одного человека сознательно и целеустремленно работавшего на революцию. Правда, отголоски партизанщины (в Западной Украине и в Прибалтике) встречались еще некоторое время, но крайний предел их проявлений заканчивается к 1947 году.

Несколько оживленнее обстоит дело с "оппозицией", которую, конечно, нельзя смешивать с революцией. Но оппозиционеры, встреченные мною в лагерях, во-первых, не принадлежали ни к

какой централизованной организации (как, например, в прошлом КД) и, во-вторых, оставались всегда на советской платформе, как и подобает оппозиции.

Слухи о так называемой "Черной кошке" основаны на недо-разумении. Так называют "блатные" некую мифическую организа-цию, объединяющую профессиональных преступников. Что какая-то организация в местах заключения и даже на воле существует, это бесспорно. Но рассказы о централизованной и управляемой организации все же романтическая легенда. Круг блатных мне слишком хорошо известен. Я имел личные дружеские связи с ни-ми. И знаю наверное, что высшая иерархическая ступень есть лагерный "старший блатной". При встрече в одном лагере двух старших блатных возникает беспощадная борьба, кончающаяся уничтожением одного из противников. Организация блатных прес-ледует лишь одну конкретную цель - обеспечение улучшенных тюремно-лагерных условий за счет остальных, так называемых "фрайеров". На воле эта организация обеспечивает сбыт наг-рабленного и укрытие преследуемых. С политической революцией эта организация не имеет ничего общего.

Повторяю: я не допускаю мысли, чтобы я не заметил су-ществования организованных революционных сил.

Тем не менее внутренняя практика тюрем и лагерей показа-ла, что нравы и обычаи людей, осужденных по ст. 58, имеют свои отличительные особенности и к ним пришлось применить неписанный в регламенте, но специальный режим.

Несмотря на официальную квалификацию осужденных по ст. 58, как наиболее тяжелых и опасных преступников, надзиратели хорошо знали, что это самый мирный, спокойный и законопослуш-ный элемент.

Кажущееся противоречие объясняется следующими обстоя-тельствами. В послевоенные годы основная масса политических состояла из таких людей, которые свои антисоветские настрое-ния выявили в условиях оккупации, не говоря уже о непосред-ственно входивших в германскую армию. Это были условия поли-тической безопасности. Если бы вся Россия была оккупирована, то, по всей вероятности, почти вся страна показала бы себя антисоветской. Но те же люди под советской властью продолжа-

ли оставаться законопослушными и ничем не проявляли своей революционности, которая всегда требует большого волевого напряжения.

В начале войны уверенность в близком конце советской власти придавала мужество даже вполне пассивному элементу. Неудача противосоветской войны и разочарование в попытке борьбы с советской властью при помощи бражеской армии вызывали страшную подавленность и апатию. Большая часть таких "политических преступников" подчеркивала свое "раскаяние" и готовность "исправиться". Насколько искренне - это вопрос другой. Но нельзя отрицать, что в этом была и доля искренности. Во всяком случае их поведение в тюрьме делало задачу охранения порядка и дисциплины очень нетрудной.

Совсем другими были уголовники. Они чувствовали силу своей организованности, которая направлена была на грабеж обывательской части тюремного населения и даже на бессмысленные озорные выходы, причинявшие много хлопот надзирателям.

В трудной и опасной надзирательской жизни тюремщики поневоле лучше относятся к тем людям, от которых меньше хлопот и опасности.

"Раскаянию" политических власть, конечно, не верила. И по мере возможности, то есть в зависимости от достаточного наличия камер, политических помещали в отдельную камеру, чтобы избежать их вредного влияния. Оно выражалось не в прямой пропаганде: об этом не могло быть и речи. Но люди, побывавшие на Западе и видевшие иную, не советскую жизнь, даже при лояльнейших намерениях неизбежно проговаривались о таких вещах, о которых советскому гражданину знать не полагается.

Жизнь в такой специальной камере налаживалась совершенно независимо от тюремных "блатных" обычаев, на основании нормальных человеческих отношений. Это огромное преимущество политических камер понижалось, однако, тем, что у политических заключенных царил полная бедность. Они почти не знали передач! Но не потому, что они были запрещены: запрет налагался в индивидуальных случаях, если следователь был недоволен показаниями допрашиваемого, что случалось не часто. Но связь с политическими заключенными компрометировала их близ-

ких. По бытовым и служебным обстоятельствам благоразумно было показать разрыв отношений с арестованными, и только матери и иногда жены рисковали своим положением и поддерживали заключенного. Поэтому передачи были очень редкими.

Отмечаю, что первые годы после войны были временем самого подавленного гнетущего настроения, пожалуй, самым тяжелым из всего, что пришлось пережить русскому народу.

Напрасно было бы искать среди заключенных опасных контрреволюционеров, сохранивших волю к борьбе. Таких я почти не встречал.

Следует здесь оговориться, хотя бы на личном примере. Я был и остаюсь непримиримым врагом советской власти. Но и у меня в заключении воля к борьбе была совершенно подавлена и ничем не проявлялась. К тому же моя деятельность вообще не протекала под советской властью. Очевидно, таких непримиримых было очень много. Но, полагаю, что одной непримиримости недостаточно, чтобы назвать их контрреволюционерами.

Другая категория политических это "болтуны" (по советскому выражению), осужденные по ст. 58 пункт 10. Это те, на которых донесли за какое-либо антисоветское замечание в кругу знакомых и родных. Власть логично полагала, что неосторожно оброненное слово доказывает также и общее, хотя бы долго скрываемое настроение. Поэтому ст. 58-10 гласит: "систематическая антисоветская пропаганда", хотя фактически таковая и не имела места. В советских условиях систематическая пропаганда - совершенный абсурд, так как ее слушать - совершенно такой же риск, как и произносить.

В тюрьмах находятся и дети. По советскому уголовному кодексу дети от двенадцати лет считаются полностью ответственными за уголовные деяния наравне с взрослыми. Среди нескольких детей и подростков, которых мне лично приходилось видеть в тюрьме, большая часть рецидивистов из беспризворников, обвиняемых в кражах и даже в убийствах; они душой и телом принадлежат к преступному миру и составляют его неотъемлемую часть, так как целый ряд преступлений требует помощи детей, как "махальных", "наводчиков", "форточников" и т.д.

Иногда среди детей встречаются обыкновенные мальчики,

захваченные на краже картошки или подобной мелкой бытовой краже. Прекнее воровство яблок у соседа нынче заменилось воровством картошки. Не мало 13-15-летних фабрично-заводских учеников, обвиняемых в самовольной отлучке с работы. Эти подвергаются наказаниям от четырех месяцев до двух лет тюрьмы и лагерей, где они за этот срок успевают пройти полный курс уголовного университета.

Тюремный режим не везде одинаков, потому что точное применение тюремного регламента в значительной степени зависит от надзирателей. Эти последние очень заинтересованы только в тех пунктах регламента, которые им обеспечивают личную безопасность, то есть предусматривают всегда возможное нападение. При прохождении по двору, например, очень соблазнительно поднять с земли окурки. Если надзиратель ведет политических, он благодушно закрывает глаза; если уголовник осмелится нагнуться, может последовать выстрел, а уже пинком ключем в спину обеспечен, потому что известны случаи, когда уголовник нагибается, чтобы поднять камень и швырнуть им в конвоира.

Есть такие пункты регламента, которые надзирателю совсем не выгодно соблюдать. Например: запрещение заключенным спать между побудкой и вечерней поверкой. Новички-надзиратели очень мучают заключенных этим пунктом. Но очень скоро приходят к пониманию, что чем больше заключенных спит, тем спокойнее наблюдение. Мало того, опытные надзиратели вообще стараются без нужды не ссориться с заключенными, в особенности с "активом" блатных. Некоторые надзиратели, проводя последовательно "мирную" политику, уступают полностью внутрикамерный порядок попечению блатных и сами их поддерживают, даже потворствуя грабежу. Тем более, что надзирателю запрещено отпирать и входить в камеру без того, чтобы не вызвать подкрепления.

Не все надзиратели, однако, стремятся лишь к упрощению своих обязанностей путем сохранения "мирных" отношений. Этот кажущийся мир в сущности есть выдача всех "мужиков" ("мужик" или "фрайер" - не принадлежащий к преступному миру) на правех блатным. Внутри камеры мир осуществляется беспрекословным подчинением беззащитных "мужиков" блатной аристократии, которая отбирает всю ценную одежду и облагает тяжелой данью все полу-

чаемые передачи. Чтобы ввести "законность" во внутрикамерную жизнь, надзирателю приходится почти не отходить от волчка. Замеченные нарушители вызываются в коридор для расправы. Избивают нечаянно ключами, часто умышленно нанося такие смертельные повреждения внутренним органам, которые не оставляют внешних следов. Карцер применяется как заключительная мера после избияния. Никогда не отправляют в карцер, не избив предварительно до полусмерти.

Время от времени уголовный мир протестует. Бунт и побег в условиях тюремной охраны настолько бессмысленны и безнадежны, что их можно квалифицировать именно, как протест отчаяния или дорого стоящую угрозу надзирателям, не уживающимися с блатными законами. Мне пришлось пережить один такой бунт. Поздно вечером одна камера потребовала выноса переполненной параша. Это требование всегда законно, и у заключенных есть много способов добиться выполнения законного требования в случае нежелания надзирателя. Сильнейшим из таких способов служат барабанные стуки в дверь, галдеж и крики, вызывающие солидарные действия в соседних камерах и достигающие, в конце концов, такой силы, что приходится поднимать служебную тревогу во всем корпусе. По окончании тревоги, конечно, расправятся с некоторыми виновными, но попадет и надзирателю, когда будет установлено, что скандал произошел по его вине.

Словом - лучше уступить, тем более, что требование основательное. По регламенту прежде, чем открыть дверь камеры, надзиратель должен вызвать подкрепление. Но просительный дружелюбный тон переговоров обманул бдительность надзирателя. Он открыл дверь для выноса параша.

Два уголовника, пронся парашу мимо него, внезапно бросили ногу и вцепились ему в горло. хватка точная. Надзиратель с коротким стоном упал на землю. Его уволокли в уборную и заперли там, предварительно отобрав ключи. Открыли все камеры, и начался безумный танец свободы в пределах зарешетенного сектора.

Тревога была поднята извне, и сильный отряд вооруженных до зубов охранников часа через два восстановил порядок. Затем

началось судопроизводство тут же, в коридоре. И после обычных избиений ключами к наиболее виновным зачинщикам применены были "смирительные рубашки". Они несколько отличаются от тех, что употребляются в сумасшедших домах. Тюремная смирительная рубашка состоит из крепкой холстины, слегка скроенной по формам человека и снабженной шнуровкой, которая затягивается до остановки кровообращения. Операция производится в присутствии врача, чтобы пытка не довела до преждевременной смерти. Минут через двадцать пытаемый теряет сознание.

Эти смирительные рубашки в те годы применялись не только для наказания, но и при допросах в отдельных карцерных помещениях по назначению судебного следователя.

Порядок дня в камерах следующий: в 5 1/2 - побудка, за которой сейчас же следует раздача кипятка, хлеба и сахара. Хлеба - 550 г, сахару - 9 г. В 12 часов - обед, состоящий из тарелки супа. В 8 часов вечера - опять тарелка супа. Часов в 9 - поверка. Для поверки половина населения камеры выстраивается вдоль нар; другая половина сидит на верхних нарах. На поверку приходят не меньше четырех надзирателей, из которых один входит в камеру для счета, остальные наблюдают через открытую дверь из коридора. В течение дня - один раз прогулка сроком на двадцать минут. Во время прогулки ежедневно в камере производится обыск. Ищут карты, бритвенные лезвия и металлические предметы. Проверяют целость решетки, стен, пола, печки. Несмотря на ежедневные обыски, почти всегда что-нибудь находят. Полной изоляции камер, кажется, никогда не удалось достичь. Средства связи: перестукивание по водопроводным трубам или прямо через стенку, связь шнурками по вертикали окон или по дымоходам печей, передача записок или предметов в условленном месте, в уборной или на прогулочном дворе. Более сложные или объемистые передачи, (например, кинжала) производятся через баню или парикмахерскую. Баньщики и парикмахеры - всегда угловники, тесно связанные с блатным миром в камерах. Кинжал (или длинный нож), хотя редко применяется, но служит для поддержания престижа блатного. Время от времени, для под-

держания того же престижа, убивают "мужиков" или нарушивших блатную дисциплину "сука" (сука - уголовник, изменивший блатным законам). Весть об убийстве сейчас же распространяется всеми средствами по камерам в назидание непокорным. Ответственности за убийство в тюрьме либо нет никакой, либо она ничтожна: несколько суток карцера, конечно, сопровождаемые избиениями.

Долгий тюремный день проходит в игре в домино, шашки, в чтении, разговорах и слушании "р'оманов". Этот род прозаического устного повествования мало известен в теории словесности и потому я называю его тем именем, которое прочно за ним укрепилось в тюрьмах и лагерях: р'оманы. Содержание их - импровизация рассказчика. Это - композиция романтики Понсон дю Террайля, Евгения Сю, современной - из криминальной детективной литературы и авантюрного фильма. Сюжет - самый захватывающий с многочисленными убийствами и бурными страстями. Действующие лица: вор-джентльмен, графиня Эльвира (или Элеонора), американский миллиардер, спортивный рекордсмен, детектив, благородный отец и несчастная мать. Действие никогда не происходит в России, ни в царской, ни в советской.

Попадались рассказчики с неистощимой фантазией и неплохо разработанной мелодраматической дикцией. Рассказчик пользовался большим уважением. Ему обеспечивалась полная неприкосновенность и продовольственное снабжение из всех источников: добавки казенного супа, добровольные угощения из получаемых передач, доля из добычи блатных. Частенько надзиратель, прильнув ухом к волчку, слушал с таким же захватывающим вниманием, как и его поднадзорные. О некоторых рассказчиках слава шла по всей тюремно-лагерной Сибири.

Я пытался выступить конкурентом и рассказал "Капитанскую дочку". Неинтересно! Тогда я стал рассказывать о жизни рабочего в Европе, и романист был побежден. Жизнь Европы для советского гражданина есть самый захватывающий роман. И надзиратель тоже слушал через волчек и не мешал.

Следующим развлечением являлось домино; эта игра получила огромное распространение, вероятно взамен запрещенных

карт. Не знаю, был ли русский человек раньше таким страстным картежником, как теперь в Советском Союзе. Карты влекли за собой бесчисленные преступления и приняли форму народного бедствия. Власть повсюду, на воле и в лагерях, это занятие беспощадно преследует.

В тюрьме в карты играют лишь наиболее смелые, то есть преступный мир. Кустарное производство карт в камерах достигло степени искусства. Самодельные карты лучше, красивее, удобнее, художественнее продажных. Цвета - черный и красный - создаются печной сажей, женой резиной и собственной кровью.

Преступный мир имеет еще одно развлечение: чечетка. Каждую свободную минуту исполняется этот танец руками и ногами, даже во время разговора. Это можно было бы принять за болезненный тик, если бы это не оправдывалось необходимостью: натуральный протест молодого тела против неподвижности тюремной жизни на более чем ограниченном пространстве. По этим судорожным телодвижениям, почти автоматическим, можно сразу распознать представителя преступного мира.

Вообще преступный мир налаживал в тюрьме свою жизнь, как постоянную. Остальные апатично погибали.

Очень важной проблемой в тюрьме было курение. Поступление табака обеспечивалось только передачами (запрета курить - не было). А передачи получали только местные. Блатные конфисковали в свою пользу часть приносимого табака и в курении себя не ограничивали. Через них перепадало и остальным в виде окурков.

Выход на прогулку был прежде всего охотой за окурками, лежащими по пути, а также в прогулочном дворике, если предыдущая камера состояла из уголовников.

Бумага для курения (газетная, конечно) поступала в достаточном количестве, но обязательно нарезанная. Целый лист газеты не допускался. Бывало, что эти мелко разрезанные листочки раскладывались тайком на нарах. Иногда удавалось составить таким образом целый газетный лист. Так доходили до нас некоторые известия извне.

Интересно отметить изобретение по добыче огня. Спичек почти никогда не было, не было их и на воле. Кусочек ваты из

одеяла или из бешмата сворачивался жгутом. Затем нужно его быстро, в продолжение 1-2 минут, при помощи дощечки катать по гладкой поверхности пола, сильно сдавливая. Через минуту-полторы, чувствовался запах гари: от жгутика ваты пошел легкий дымок. Разламывают жгутик в том месте, где появился дымок, и раздувают обнаруженную искру. Этот способ отличается от первобытного тем, что для него необходим материал из цивилизованного мира: вата. Позже, уже в лагерях, ознакомившись с литературой о тайге, я встретился с описанием этого способа добывания огня среди таежных бродяг и охотников. Эти люди, хотя и живут совершенно примитивной жизнью, всегда обладают кусочком цивилизации - ватой, так как вата - необходимая составная часть нынешней советской зимней одежды.

Питание в тюрьме - ниже всякого минимума. Я уже называл нормы хлеба и сахара, как основных продуктов. Кроме этого, получали два раза в день суп. Чаще всего он наваривался на цельной нечищенной селедке с приварком из нечищенной мелкой, как горох, картошки или кислой капусты. От такой пищи притуплялась даже потребность есть. Человек как бы постепенно отучался от еды. Желудок сужался, исчезала потребность в движении, не хотелось даже идти на прогулку, только спать и спать. Физиологически это состояние можно сравнить с зимней спячкой животных: своего рода - анабиоз. Это состояние очень облегчало работу следователей, так как допрашиваемый терял всякий интерес к своей собственной судьбе. С такими клиентами следователи были даже ласковы; угощали папиросами на допросах и получали добровольную подпись под любой фантазией.

Но если подследственный еще не "дошел" (лагерно-тюремное выражение, означающее - ослабел; доходить-ослабевать; дойти - умереть) и пытается оказывать некоторое духовное сопротивление, то следователь из ласкового собеседника превращался в свирепого палача, избивал кулаками, ногами, чернильницей, рукояткой нагана, зажимал пальцы в дверях. Самая утонченная пытка - пытка бессонницей и голодом. Допрашиваемого запирали на несколько дней в особую камеру под специальным наблюдением.

дением сменяющихся надзирателей, которые не допускали заключенного в течение нескольких суток ни на одну минуту сомкнуть глаза. При этом выдавалось в день 300 г хлеба и 300 г воды без какой-либо горячей пищи. Самое большое через неделю любой подсудимый превращался в сснambuлу, в загнипнотизированного, на все согласного, без мысли, без воли и, конечно, без всякой способности сопротивления.

При допросах с глазу на глаз следователь оставлял всякое попечение о формах и законах и цинично говорил: "закон - это я; я с тобой все сделаю, что хочу; жаловаться некому; прокурор меня всегда поддержит; ему, как и мне, нужно только твое сознание и подпись. Из наших рук никто не уходил, оправданий у нас не бывает. Будешь послушным, скорей выйдешь в лагерь. Будешь упираться - подохнешь в карцере". Действительно, мне неизвестен ни один случай оправдания, ни из личных наблюдений, ни из постоянных расспросов (я этим вопросом • возможности оправдания интересовался специально).

После подписания "статьи 216", что означает скрепление подписью обвиняемого всех показаний и обвинительного акта, оставалось только ждать суда. После такой подписи очень ослабевшие иногда получали больничный паек. Это была настоящая пища и даже вкусно пригостовленная. Только очень неловко было пользоваться такой привилегией одному среди голодных товарищей. На просьбу перевести в больничную камеру врач, пожимая плечами, отвечал: "больничная камера не для 58-й ст.; не разрешено режимом".

Все "контрики" (обвиняемые по ст. 58 и по указу 1943 года) судились судом Военного трибунала войск МГБ соответствующей области. В моем случае - Кемеровской. Зала суда - на третьем этаже огромного здания МГБ. Входы и выходы в здании строжайше контролируются; не меньше, чем в самой тюрьме. В зале суда находятся скамьи для публики, так как суд - "гласный". Но публика проникнуть в залу суда никак не может, и на скамьях сидят лишь чины конвоя. Трибунал состоит из председателя - советского "юриста" и двух заседателей, чинов МГБ, из коих один должен быть в ранге обвиняемого. Во всем судопроизводстве наблюдается большое стремление создать внешнее

подобие "настоящего" суда. Но ни прокурора, ни защитника в трибунале МГБ не положено. По всей видимости, приговор уже заготовлен до суда и ни в какой степени от судей не зависит. Подсудимый имеет право на последнее слово, которое также приговора изменить не может. Последний акт - суд удаляется на совещание. Через пять минут снова: "встать - суд идет". Приговор вступает в силу через 72 часа, в течение которых можно подать "кассацию". Тогда исполнение задерживается до получения ответа. Апелляции в советском законодательстве не существует. Но так называемая "кассация" не является опротестованием процессуальных форм, а включает в себя также продолжение судебного спора по существу в том смысле, что содержание кассационной жалобы ничем не ограничено. Таковую "кассацию" можно подавать бесконечное количество раз, все они так же беспредельны, как и первая. Только в делах чисто уголовных иногда (крайне редко) повторные жалобы могут иметь успех. Для "контриков" подача кассации имеет только один смысл: задержать отправку из тюрьмы в дальние лагеря на три-четыре месяца до более благоприятного климатического сезона.

В случае приговора "к высшей мере наказания", "кассация" и "помилование" (так кратко называют просьбу о помиловании) довольно часто достигает замены смертной казни 25-летним заключением. В 1945 и 1946 годах смертная казнь заменилась 10 годами. Впоследствии этот срок был автоматически продлен до 25 лет.

Если судебное следствие, даже при использовании всех, в том числе и особых методов допроса, не дало достаточно обвинительного материала или, вернее, если следователь нашёл в обвинительном акте такую нелепость, что ее невозможно было принять к судопроизводству, то дело направлялось в ОСО (Особое совещание из трех лиц). Оттуда приходил безапелляционный заочный приговор, корректировавший неловкость следствия. Повторяю: оправданий не было никогда и ни в каком случае, так как "в Советском Союзе невинных не арестовывают".

Г л а в а III

ИТЛ и ИТК - лагеря обыкновенного режима (1947, 1948 и начало 1949 г.)

Перед отправкой из тюрьмы в дальние лагеря производится медицинское освидетельствование для определения способности перенести переезд. Меня признали негодным для транспорта и временно определили в лагери местной (Кемеровской) системы.

Это лагеря ИТЛ и ИТК, что значит: исправительно-трудовые лагеря и колонии. Здесь содержатся бытовики (уголовные) и малосрочники (то есть до десяти лет). Но ввиду большого количества инвалидности среди политических и невозможности их отправить дальше, около 10% заключенных все же состоят из осужденных по 58 статье.

Эти лагеря считаются лагерями обыкновенного режима. Описываемая здесь обстановка относится к 1947, 1948 и началу 1949 годов.

Вокруг Кемерова и в самом городе расположены десятки лагерей. Административная единица - отделение, которое состоит из лагерь-пунктов. Эти последние в свою очередь подразделяются на участки. Фактически лагерь, как таковой, - один из таких участков.

Лагерь-пункт управляется начальником лагпункта. Вся служба разделена по функциям:

- 1) Начальник режима: лагерный быт и внутрилагерный надзор.
- 2) Начальник хозяйственной части: имущество лагеря, одежда, кухня.

3) Оперативная или III часть: политическое наблюдение. Эта часть совершенно независима от лагерного начальника и всех остальных частей лагеря. Наоборот: начальник лагеря должен считаться со всеми решениями III части по вопросам политическим. Здесь сосредоточен внутренний лагерный сыск. Весьма правдоподобно предположение, что политическое наблюдение распространяется и на всю лагерную администрацию.

- 4) Начальник Специальной части: ведает документами заключенных и их перемещениями из лагеря в лагерь.

5) Начальник производственно-питательной части (ППЧ); здесь централизуется учет рабочей силы, рабочей продуктивности и непосредственно от нее зависящее распределение хлеба, как средство поощрения и оплаты труда.

6) Начальник культурно-воспитательной части (КВЧ): пропаганда, библиотека, газеты, развлечения и, главным образом, поощрение к работе и моральное воздействие на ленивых рабочих и отказчиков. Но библиотека в лагере ничтожна (150-300 томов); газета выписывается одна, редко две и наклеивается на витрину; развлечения - жиденский оркестр, иногда кино, самодеятельный концерт. Пропаганда ограничивается расстановкой щитов с лозунгами и достижениями советской власти. Все эти проявления деятельности КВЧ совершенно ничтожны. Общее ее направление - на повышение производительности труда. Ежедневно начальник КВЧ производит допрос уклоняющихся от работы и пытается оказать моральное воздействие перед тем, как будут применены административные санкции. Одно из проявлений всеобщего советского принципа: "мы убедим, а несогласных заставим".

Культурный уровень чинов КВЧ поражающе низок, поэтому о каком бы то ни было моральном влиянии, даже на самую низкосортную часть лагерного населения, не может быть и речи. Убедительность уговаривания достигается либо угрозами, либо обещанными побрякками. Обычный метод уговаривания заключается в приведении любого мелкого проступка к уровню важного анти-советского злодеяния примерно по такой схеме: "Вы - советский гражданин и, значит, обязаны, как и все, стремиться к успехам социалистического строительства в нашей стране. Это обязывает к соответствующей линии поведения. Уклонение от этой линии означает, что в вас скрывается порочный дух оппозиции, недовольство рабоче-крестьянской властью; если вы не поступаете, как нужно, значит вы - скрытый контр-революционер и враг народа. Наша бдительность не допустит саботажа и подкапывания" и т.д. После беседы с начальником КВЧ виновный прогульщик все-таки попадает в карцер. Но на постановлении о наложенном наказании среди других пяти подписей должна находиться и подпись начальника КВЧ, означающая, что меры убеждения были приняты.

На протяжении этих лет (от 1947 до 1949 г.) можно было наблюдать попытки ввести какое-то подобие законности в отношении административных прав.

С 1946 года была отменена смертная казнь. Это значит, что не выносили больше смертных приговоров и не производили расстрелов явно. В советских условиях, правда, нет никакой возможности установить, действительно ли расстрелы прекратились. Но несомненно они сократились, сделались единичными случаями, о которых узнавали только по слухам.

Не применялся больше прежний закон о расстрелах за троекратный отказ от работы. За многократные отказы теперь предавали лагерному суду и наказывали переводом в штрафные лагеря. Что делалось там, не знаю: очень редко приходилось встречать вернувшихся оттуда. А кто и вернулся, был молчалив и не рассказывал ничего.

Произвольные наказания заключенных также прекратились. Для наказания карцером требовалось мотивированное постановление, подписанное пятью офицерами администрации: начальника КВЧ (как уже было указано); хозяйственной части (устанавливает, что виновный, получив полностью причитающиеся ему питание и одежду, не имел основания на невыход на работу); медицинско-санитарной части (удостоверяет, что для наказания карцером нет препятствий с точки зрения здоровья); III части - подписывается в том, что не имеет возражений с точки зрения дел секретного характера: могло бы оказаться, например, что наказываемый находится под его особым покровительством за особые заслуги и, наконец, начальника лагеря.

Фактически, если кто-либо из упомянутых лиц хочет посадить заключенного в карцер, то он подписывает бланк первым, и постановление уже выполняется. Остальные подписи не замедлят, и возражений не бывает (за редкими исключениями только со стороны начальника МСЧ).

Очень часто случается, что рядовой надзиратель собственной властью посадит в карцер. Тогда при смене суточной службы, происходящей вечером, новый конвой в карцере требует постановления. Если таковое к смене не подписано, новая смена не имеет права принять арестованного, и его выпускают.

Словом, администрация избегала слишком очевидно нарушать закон. Но нажим на отказчиков всегда был важнейшей задачей начальства. Карцеры не всегда действовали убедительно. Измученный работой заключенный иногда предпочитал отдохнуть, хотя бы и в карцере. Тогда создавали особо тяжелые условия ареста. Например, зимой раздевали до белья и держали в не-топленном карцере до появления тяжелых симптомов простуды. После установления высокой температуры заключенного переводили в стационар и, подлечив, вновь заключали в карцер. Иногда доводили до смерти.

Другой прием воздействия на отказчиков - избияния. Но в этом чины лагерной администрации участия не принимали. В лагере находился "нарядчик" из краткосрочных заключенных, ответственный за выполнение рабочей разрядки. Он пользовался исключительными привилегиями во всех отношениях. Его власть в лагере была совершенно неограничена и он всегда пользовался полной поддержкой администрации. Он получал лучшую одежду по своему выбору в "каптерке"; получал из кухни пищу по собственному заказу; писал записки на получение лишней порции хлеба для тех, кого находил нужным поддержать. Жил нарядчик в особой комнате в совершенно комфортабельных условиях.

И все эти блага зависели от успешности его работы по выполнению суточной разрядки. За нее он боролся как за собственное существование и уклонявшихся от работы избивал до полусмерти собственноручно или при помощи находившегося при нем силача-дневального. В случае ревизии из центра и появления жалоб нарядчик отвечал за незаконность лично. Администрация лагеря ссылалась на незнание и на невозможность предотвращать все лагерные драки.

Перечисленные выше административные подразделения в лагерном пункте имели соответствующие инстанции в лагерном отделе. Например, КВЧасти соответствует КВОТделение.

Численность контингента лагерного пункта не ограничена. Бывает по пять и по десять тысяч. Но так как таких больших объектов работы для заключенных нет, то большие лагерные пункты разделяются на участки: отдельные лагеря на расстоя-

нии двух-пяти километров от центра лагерного пункта. В таком лагерном участке находится только лагерный начальник, часто из младшего командного состава, и иногда даже из оканчивающих срок заключенных. Все административные функции выполняются на лагерном пункте. В лагерных участках жилось несколько лучше, так как с одним начальником ужиться легче, чем со многими.

Интересно отметить очень большую независимость отдельных частей администрации. Наиболее независимым был начальник III части ("третьяк", он же - "оперуполномоченный" или коротко - "опер"). Он подчинялся только своему начальнику в отделении. В лагере его побаивались все, вплоть до начальника лагеря. Среди этих "оперов" попадались люди с заметной культурой. По внешности, по манере себя держать единственно только "опер" мог соответствовать привычному представлению об офицерах.

Начальник МСЧ, врач, отвечал за санитарное состояние лагеря и пригодность рабочей силы; в своей области он также проявлял значительную независимость; правда, на своем праве не каждый врач хотел и умел настаивать. Встречались, однако, и такие врачи, которые от заботы о пригодности рабочей силы незаметно для самих себя переходили на заботу о человеке, как таковом, и в этой заботе вели героическую борьбу против исполнителей рабочего плана во что бы то ни стало. Если среди чинов МВД и МГБ встречались порядочные люди в полном смысле этого слова, то именно в среде медицинского персонала. Я знаю случай, когда, защищая больных и истощенных дистрофией, врач довел конфликт с начальником лагеря до такой остроты, что он мог закончиться только гибелью одного из них. Победил врач, а начальник лагеря был арестован и получил пятнадцать лет заключения.

Независимость начальника хозяйственной части возможна при честном и строгом выполнении своих обязанностей по снабжению и питанию. Но так как воровство в эти годы было в порядке вещей и начальник лагеря и начальник хозяйственной части устраивали свои дела совместно, то о независимости не могло быть и речи. Все прочие чины предпочитали, несмотря на кажущуюся обособленность их функций, жить в добром согласии с начальником лагеря.

Женщины заключенные, состоя в списках лагерного пункта наравне с мужчинами, как рабочая сила, учитываемая трудовыми часами, жили на отдельном участке. В 1947 году еще были женские участки, только слегка отгороженные внутри общей ограды, что давало возможность общения с мужчинами. К началу 1948 года были приняты общие меры для изоляции женщин на особых участках, сводя до минимума необходимый мужской персонал. Забеременевшие женщины в свою очередь изолировались на так называемых "мамских" участках. Я имел возможность установить, что в течение только 1948 года 90% женского участка постепенно переводились на "мамский участок". Родящиеся на "мамском" участке дети лишь самое короткое время оставались с матерями и, как только представлялась возможность отнять их от груди, отправлялись в питомники; при этом никаких мер не принималось для установления связи ребенка с матерью или возможности розыска или опознания его впоследствии. Как корректив этой бесчеловечной жестокости вышел неопубликованный указ о досрочном освобождении рожениц с ребенком. Этот указ применялся довольно широко и сейчас же вызвал соответствующее следствие: заключенные женщины стремились во что бы то ни стало забеременеть.

Наружная охрана лагеря жила своей особой жизнью, совершенно не входя во внутренний быт лагеря. Рабочие команды, по выходе за ворота, принимались по счету конвоем, на обязанности которого лежало сопровождение на работу и охрана рабочего объекта. Бышедшие за зону исключались в течение рабочего дня из списков лагеря, переходя целиком на ответственность охраны. Иногда возникали конфликты между начальником лагеря и охраной. В таком конфликте всегда победителем выходила охрана. Пример: в одной угольной шахте вследствие наличия газов, технический надзор запретил спуск вооруженных конвоиров в шахту. Конвой не согласился отпустить рабочих вниз без охраны. Конфликт закончился тем, что шахту вычеркнули из числа рабочих объектов лагеря.

Несмотря на чрезвычайную важность выполнения рабочего

плана, интересы режима и охраны всегда оставались на первом месте.

Численность всего лагерного населения Советского Союза не может быть установлена никакими документальными данными. Из многочисленных попыток подсчитать население лагерей я готов взять за минимальную базу расчет В.В. Позднякова (из брошюры "Не забудь нас", изд. Союза бывших политических заключенных из СССР). Г-н Поздняков рассчитывает очень осторожно. Он считает, что из пяти млн. репатрированных "остов" - два миллиона попало в лагеря (на основании доклада Уполномоченного СССР по делам репатриации ген. Голикова). Другая часть определена на работы. Надолго ли? Иногда проходит год или два, прежде чем репатрированный попадет в лагерь. Из встреченных мною в лагерях репатриантов ни один не попал в лагерь сразу.

Цифру г-на Позднякова считаю слишком осторожной.

Сотни тысяч арестованных из Прибалтики! Я встречал очень много людей оттуда. Все в один голос повторяли, что города и села Прибалтики опустели. Вакуум был заполнен переселенцами из внутренней России. Говорят, Рига стала совсем русским городом.

Выселенных немцев, из которых значительная часть попала в лагеря, г-н Поздняков считает десятками тысяч. Тоже слишком скромно: Восточная Пруссия совсем опустела.

Если добавить еще миллионы жертв указа 4.VII.1947 о защите частной и социалистической собственности, то итог г-на Позднякова в десять - пятнадцать миллионов следует увеличить миллионов на пять. . .

В 1949 году я работал в лагерной канцелярии на картотеке заключенных. Карточки пестрели отметками "осужден по указу 4/VII/47". И я дал себе труд подсчитать их процентное количество. За 1948 г. контингент лагеря состоял на 20% из осужденных по этому указу. Нет никаких оснований предполагать, что эти люди почему-то были сосредоточены именно в данном лагере. Если же этот процент обобщить, то получается цифра в два или три миллиона.

Этот указ приобщал все мелкие бытовые кражи к разряду высших государственных преступлений, и в голодной России, где отчаянное подчас материальное положение заставляло матерей воровать картошку, чтобы прокормить детей, произвел огромные опустошения.

Воровство картошки в эти годы заменило известную "стрижку" колосьев. И, как всегда, советская власть решила победить эти нарушения закона ударным порядком: драконовским законом, по которому кража 0,5 кг картофеля на совхозном поле каралась не менее чем десятью годами заключения. Если же в краже одновременно участвовали два человека, она квалифицировалась как групповая и наказывалась уже пятнадцатью годами.

Сроки заключения после войны вообще сильно повысились. Началось с того, что прежний максимальный срок, даваемый взамен смертной казни с десяти лет повысился до двадцати пяти лет (о чем я уже говорил). Для ст. 58 минимальным сроком стало десять лет. Под амнистию 1953 года подходили и осужденные по ст. 58 сроком менее десяти лет. В моем лагере тогда этой амнистией воспользовалось два человека из тысячи.

По остальным неполитическим статьям очень строго карались преступления, подходящие под общую рубрику экономического саботажа: кража государственной собственности, растраты кассиров, неправильности и злоупотребления в производственном хозяйстве.

Значительно легче карались убийства, даже с целью грабежа. Редко по первому разу давали более восьми лет.

Разряд малосрочных состоял главным образом из хулиганов, прогульщиков, спекулянтов на базаре (семь-восемь лет); просчитавшиеся бюджетчики, неопытные шоферы, - минимальный срок - два года. Группа малолетних фабричных учеников - по четыре месяца. Национальный состав лагерей обыкновенного режима не вызывает никаких специальных замечаний: он соответствует национальным пропорциям населения. В лагерях специальным - картина другая.

В лагерной жизни действуют два фактора: 1) закон и лагерный регламент, 2) бытовой уклад и местные интересы. Лагерный

регламент имеет целью обеспечить наиболее верные условия охраны, минимальный паек, установленный из центра, и обеспечение (также минимальное) здорового состояния рабочей силы. Но принцип эксплуатации последней и лагерные рабочие планы создают местные бытовые интересы, очень часто входящие в коллизию с законными требованиями лагерного регламента. Начальник лагеря является как бы предпринимателем или подрядчиком, выполняющим при помощи вверенной ему рабочей силы производственное поручение. Выполнение рабочего плана, выполнение процентных норм, заработок лагеря, как рабочей единицы, интересуют начальника лагеря более всего. Поэтому в интересах этого начальника поставить рабочую силу в наилучшие условия, увеличивая им паек за счет нерабочей части лагеря, потворствуя мошенническим подсчетам выработки и защищая рабочих от чрезмерно строгого поведения охраны на объектах работы, если оно мешает успешности производства. В этом отношении заключенный имеет в лице начальника лагеря союзника, поскольку сам стремится к выполнению процентов. И, наоборот, если рабочий ослабел и тем не менее остается на учете, как рабочая сила I категории, то он является постоянной мишенью для всяких наказаний, издевательств и побоев, пока, доведенный до изнеможения и уже совершенно больной, не списывается медицинской комиссией, как инвалид.

С этого момента начальник лагеря перестает им интересоваться, так как инвалид не фигурирует больше в подотчетных трудочасах. Для лежащих больных было несколько коек в стационаре; по мере наличия мест в лазарете, туда отправляли более тяжелых больных. Инвалиды поступали в распоряжение начальников хозяйственной части для использования на внутренних работах: по обслуживанию кухни и столовой, уборке и чистке картофеля, мойке посуды, обслуживанию за столами, что оплачивалось натурой из котла. Поэтому некоторые слабые инвалиды, пристроившиеся на кухне, питались значительно лучше, чем рабочие, перевыполняющие нормы. Обычай широко пользоваться котлом для своих людей настолько укоренился в сознании и заключенных, и персонала, и даже администрации, что никто не считал это предосудительным. В одном из лагерей врач использовал этот обычай

для поддержки слабых и, договорившись с начальником хозяйственной части, послал на чистку картофеля по своему назначению поочередно по неделям. Бывало, что некоторые молодые рабочие приходили работать на кухню ночью между двумя рабочими днями: "хоть не всплжов, да наемся".

В своих отчетах по рабочему плану лагерная администрация должна отвечать за все трудочасы, вычисленные множением числа рабочих I, II и III категорий на число истекших рабочих часов. Однако блатные, по своим законам, работать не должны. Угрозами они терроризируют всех ответственных лиц от врача до нарядчика и на работу не выходят. Недостающие трудочасы вваливаются на инвалидов и полуинвалидов, которые по регламенту на внешних работах не числятся. Мало того, используя незаконно инвалидов, можно получить даже излишек трудочасов, почему инвалиды направляются для работ частного характера в пользу начальника лагеря и чинов администрации. Контроль ревизиями в эти годы был очень мало эффективен, хотя бы потому, что ревизорами являлись те же лагерные администраторы из других лагерей, очень хорошо понимавшие интересы лагерных начальников и поддерживавшие своих. Положение врачей было очень трудным потому, что, отвечая самостоятельно за свою медицинско-санитарную часть, они в то же время должны были выдерживать нажим начальника лагеря, преследующего свои интересы.

КВЧ также постепенно переживала коллизии требований сверху и бытовых условий. Уже из названия этого учреждения явствует, что его назначением является воспитание и при этом - советское, в духе коммунизма и любви к советской власти. Чтобы идейно проводить такую программу, нужны силы, много превосходящие своим качеством те, которыми в действительности располагала КВЧ. Устраивать политические митинги или тонко внедрять идеологию, используя и применяя культурные развлечения, - эти задачи были совершенно не под силу КВЧ. Однако высшие органы требовали отчета: нужно составлять планы деятельности и докладывать об успешности их выполнения. В планы входят: организация рабочих соревнований, кружка самодеятельности, оркестра, хора, спектаклей и концертов и пр., все это -

силами заключенных, вообще говоря, совершенно незаинтересованных в делах КВЧ, но охотно идущих на организацию всякого рода развлечений. Если их проводить в сугубо пропагандном стиле - успеха не будет. В результате КВЧ идет по линии наименьшего сопротивления, совершенно не пытаясь "воспитывать советского человека" или "исправлять" преступника. Устраивают шахматные турниры и примитивные концерты, которые можно описывать в отчетах как большую культурно-воспитательную работу. В некоторых лагерях, если начальник КВЧ был упрямым коммунистом и настаивал на "идейной" программе, работа артистической самодеятельности шла из рук вон плохо, за что, в конце концов, отвечал начальник КВЧ. Позже, когда я попал в лагеря политические, где интеллигентные силы преобладали, начальники КВЧ обычно уступали по всей линии, соглашаясь ограничиваться чисто художественным успехом.

Иногда на работах вступали в разговоры с вольными. Меня удивляла при этом какая-то особенная доверчивость вольных по отношению к заключенным. Выразив удивление такой неосторожностью, я получил исчерпывающий ответ: "Ваши не донесут! Зачем им? Это среди вольных каждый каждого боится и торопится донести и не опоздать с доносом, чтобы не попасть самому". На чисто политические темы разговоров не заводили. Но жаловались на трудную жизнь, нехватку товаров, недостаточность заработной платы и (колхозники) на постылую работу на чужой земле за ничтожные доходы по трудовым, на препятствия в кустарных вольных заработках и на приусадебных участках, на суровость и несправедливость кар за ничтожные проступки, на разорение, расчленение семей: "или зашлют сына на Алеуты ("добровольно") или заберут отца в лагери". Часто слышалась боязнь грядущей войны ("проклятые капиталисты - поджигатели войны"). Е ненависти к "капиталистам", однако, слышалось что-то казенное, обязательное. Когда человек говорит от души, ему нет надобности употреблять казенные штампованные фразы из газет.

Следует отметить особенную заботу колхозника о приусадебном участке, несмотря на его ничтожную площадь. В Советском

Сожже (вероятно, вследствие малоземелья) считают обрабатываемую приусадебную площадь не на гектары, а на "сотки". Несколько соток составляют частный огород колхозника.

Другим средством контакта с населением являются постоянные пополнения с воли. Казалось, вся Россия должна пройти через лагеря, как вся страна переходит через рекрутский набор обязательной воинской повинности. И нет никакого основания полагать, что лагерное население, его настроения и думы чем-то специфически отличны от всей массы русского народа.

Г л а в а IV

"Спецлагери" (1950-1952 гг.)

В конце 1948 года по всем лагерям ИТЛ и ИТК начались серьезные чистки контингента заключенных. Оказалось большое количество таких, которые по своим статьям и срокам должны были бы находиться в лагерях особо удаленных. Везде составили полные списки осужденных по ст. 58 и по указу 1948 года, и этапами по двести-триста человек отправляли в Нарымск, Колыму, Зоркунту, Тайшет и прочие лагеря на крайнем Севере и в Восточной Сибири. Операция была нелегкая и она продолжалась в 1949 и 1950 гг.

Таким образом, мне пришлось с начала 1949 года познакомиться с Тайшетской или Озер-системой лагерей.

Гор. Тайшет совсем недавно еще был ничтожным городком на главной Сибирской железнодорожной магистрали, около 260 км восточнее Красноярска и в 600 км от Иркутска. В 1947 году (приблизительно) отсюда началась постройка нового железнодорожного пути на восток, через гор. Братск и реку Ангару. Город Братск - очень старинное поселение. Когда-то сибирские казаки здесь на берегу р. Ангары (вытекающей из озера Байкал) открыли столицу бурятской народности и называли этот

город - Бурятск; впоследствии русские поселенцы переделали это наименование в Братск. От Тайшета он отстоит приблизительно на 200 км на восток-юго-восток и заканчивает строительный участок Озер-лагерной системы. Повидимому "Озер" нужно понимать, как какие-то инициалы, так как поблизости никаких озер нет. Местность - глухая тайга на очень пересеченной и холмистой поверхности. Эти особого вида холмы, не формирующие никакой горной цепи, в Восточной Сибири и Маньчжурии называются сопками.

Для постройки участка по всей длине в 270 км создали цепь шестидесяти четырех лагерей. Другой участок начинается от Братска за Ангарой, и до постройки моста, законченного в 1953 году, не имел с нами никакой связи. Известно было лишь, что там стройка идет независимо от нашей системы.

Вся эта группа лагерей предназначалась для политических, независимо от национальности и пола. Из шестидесяти четырех лагерей - один был пересыльный (в самом Тайшете), три лазаретных, один туберкулезный и четыре женских. Женские лагеря были совершенно изолированы от мужских; они имели свой участок стройки и производили там решительно все работы, которые обычно **выполняются** мужчинами.

Эти лагеря особенно полно отображали, как бы в миниатюре, все слои населения СССР (в лагерях ИТЛ и ИТК обыкновенного режима недоставало интеллигенции) и его национальности, к которым добавлено было также некоторое количество заключенных несоветского подданства.

Если исключить из приведенных ниже национальных соотношений китайцев, корейцев и японцев, которых я встречал только в Озер-лагерях, то обобщение этих соотношений представляется правдоподобным. Для более точного определения соотношений национальностей у меня не было возможностей.

Я лично посетил восемь лагерей Озер-системы, и все они были почти одинакового состава. Всего в этих лагерях от Тайшета до Братска находилось семьдесят тысяч человек. По национальному составу это были:

1. Украинцы и белоруссы: старосты и полиция оккупированных во время войны областей и их смертельные враги во время войны -

партизаны, действовавшие против немцев. Эти последние после войны оказались "чуждым, недисциплинированным, несоветским" элементом. Особо выделялись "бендеровцы", - морально крепкая, религиозная молодежь из Галиции и Волыни. Они отличались честностью, уважением к старости, внутренней сплоченностью. Культурное развитие их было значительно выше, чем восточно-украинской молодежи. Религия - униаты (греко-католики) и баптисты. Старосты - по большей части старики-крестьяне. Очень слабые и больные, они составляли главный процент инвалидов. Всего украинцев и белоруссов было около 300 человек.

2. Китайцы, частью из Маньчжурии, частью из коммунистического Китая, почему-то для отбывания наказания направленные в Сибирь. Большая часть с трудом говорила по-русски, так что трудно было знакомиться с ними и проследить их социальное происхождение. Но преобладали несомненно простые люди. Некоторые из них наказаны за отказ "добровольно" участвовать в корейской войне. На работах китайцев обычно выделяют в особые бригады, так как они очень трудолюбивы и выносливы и, кроме того, обладают особыми навыками в работе, по всем приемам и мелочам поразительно отличающимися от европейских и русских. Всего их было человек 60.

3. Корейцы из северной Кореи. Также трудно поддаются сближению. Повидимому, учащаяся молодежь. Держались особняком, очень сплоченно и также выделялись в особые бригады. Всего около 50 человек.

4. Японцы из Маньчжурии и южного Сахалина: офицеры, осужденные из лагерей японских военнопленных, рыбаки и крестьяне, студенты, которых война захватила в русских университетах. Некоторые были людьми европейской культуры, знавшие несколько языков в совершенстве. Около 20 человек.

5. Поляки: осужденные офицеры из военнопленных польской армии и партизаны, во время войны боровшиеся против немцев за свободную Польшу. Около 20 человек.

6. Немцы: несколько человек осужденных военнопленных (при репатриации на всей системе оказалось двадцать шесть человек военнопленных). Остальные - были осужденные в восточ-

ной зоне Германии за саботаж русской власти; несколько чemo-век, выкраденных обманом из западного Берлина, под тем или иным предлогом заманенные в автомобиль и под дулом пистолета перевезенные в восточный сектор (иногда в таком положении участвовали агенты, передатые в форму западноберлинской полиции). Среди немцев были представители всех слоев населения, от директора банка и прокурора до паровозного машиниста и рабочих-металлистов. Всего 25 человек.

7. Русские эмигранты из Франции, Германии, Болгарии, Югославии и т.д., захваченные при продвижении Красной армии в Европу. Несколько человек добровольно вернувшихся, поверивших в амнистию. Как общее правило, эти вернувшиеся никогда не попадали в лагерь сразу. Им давали обжиться и списаться со знакомыми в Европе. Этим объясняются многочисленные письма, полученные в Европе с описанием радости возвращения и примирения с новыми условиями жизни. Не позже, чем через два года, все возвращенцы почти без исключения попадали в лагерь. Не берусь утверждать, что советская власть сразу имела намерение изолировать в лагерях всех возвращенцев, но к этому неизбежно приводило то разочарование, которое человек из свободной страны должен пережить в Советском Союзе. Возвращенец всегда остается чужим человеком во всех отношениях, начиная с языка, который в СССР неуловимо, но существенно отличается от эмигрантского. Даже в лагерях эмигранты жили особняком, несмотря на искреннее стремление сблизиться с советскими заключенными. Среди возвращенцев были и армяне из Соединенных Штатов; где в армянской колонии особенно сильна была тенденция вернуться в "свободную Армению", о которой армянская интеллигенция мечтала несколько столетий.

Встречались возвращенцы из Шанхая. Эти эмигранты особенно поражают консервативностью своих взглядов, соответствующих антибольшевизму 1918 года. Были русские из Маньчжурии, захваченные после разгрома японцев. Всего разных эмигрантов около 50 человек.

8. Эстонцы, латыши и литовцы. В значительной части это были участники немецких формирований и поддерживавшие анти-советскую партизанщину. Сами партизаны, видимо, уничтожались

на месте, так как я в лагерях при большом количестве поддерживавших партизан ни одного антисоветского партизана не встречал. Поддержка чаще всего выражалась в оказании приюта на ночь или в снабжении пищей. Другие балтийцы были представителями администрации Эстонии, Латвии, Литвы. Было и значительное число обыкновенных обывателей, не слишком торопившихся принять советское обличье при захвате прибалтийских стран советскими войсками.

Если отсутствие в политических лагерях активных контрреволюционеров можно с некоторым правдоподобием объяснить отсутствием активной контрреволюции в Советском Союзе, где возможность восстания и надежды на него давно уже были подавлены, то для балтийских стран, недавно лишь попавших под советскую власть, такое объяснение явно не годится. Остается единственное объяснение, что все серьезные враги советской власти до лагерей не доходили, а истреблялись тайно и бесшумно.

Балтийцы выделялись особой, свойственной этим странам культурой. Превалирующие черты характера - замкнутость, суровость в общении, несмотря на вежливость, и крайний индивидуализм. Они совершенно не смешивались с остальным населением лагеря; чаще всех остальных получали посылки с родины; никогда никого не угощали и ни с кем не делились. Давали значительный процент квалифицированных рабочих. Всего - около 70 человек.

9. Чтобы заключить перечисление нерусского контингента по национальностям, упомяну о встрече с французами. В 1950 году на Тайшетской пересылке я видел трех французских офицеров в пилотках военного образца с трехцветными французскими кокардами. Один из них - полковник II-го бюро (французская контрразведка). Все они куда-то исчезли; в лагерях Тайшетской системы о них ничего не было слышно.

10. Несколько узбеков и казахов - представителей степной аристократии. Глубокие старики, ни слова не говорящие по-русски.

11. Кавказцы. Они являются, по большей части, представителями интеллигенции советской формации, случайно провинив-

шимися в каком-нибудь "уклонизме". Несмотря на то, что Кавказ от репрессий пострадал, пожалуй, больше всех, в Озер-лагерях эти народности встречались лишь единично. Видимо, остальная масса находилась в других местах.

Основная масса степняков Центральной Азии и немецкие колонисты Приволжья репрессировались не лагерями, а выселением.

На великорусское советское население лагеря приходилось около 40%. Из них не более двух-трех человек, осужденных за сознательные действия против советской власти (вроде, например, расклейки листовок). Остальные - за неосторожное или неумеренное проявление недовольства бытовыми условиями. Отдельно следует указать на настоящих уголовников, после двухкратного побега осужденных по ст. 58 пункт 14. Побег квалифицировался как злостное непризнание приговора советского суда. Таким образом, группа человек в двадцать убийц-рецидивистов оказалась также среди квалифицированно-политической массы заключенных особых лагерей.

Легко можно предположить, что такие группы (в которой, конечно, не было ничего специфически антисоветского) умышленно внедрялись в контрреволюционную среду с целью помешать созданию внутрिलाгерной сплоченности.

Можно было также наблюдать, что национальности распределялись по всему строительному участку Озер-лагерей равномерно. Относительно немцев мне удалось это установить с совершенной точностью: от 25 до 30 человек на каждый лагерь. Так как я переменял в этой системе восемь лагерей, то мог наблюдать это правило, с некоторым приближением, и относительно иных национальностей.

Социальный состав великорусских заключенных, меньше зависящий от последствий войны, не являет собою какой-либо специфической социальной группы. Это - вся Россия. Здесь были инженеры, благополучно работавшие на советском строительстве и споткнувшиеся на чуждости советским идеям: перестал проявлять политическую активность, избегал общественной нагрузки, от-малчивался на собраниях, недостаточно щедро подписывался на

займы и т.д. Начинают следить за каждым его шагом, за каждым словом. Незаметно накапливается в тайниках МВД достаточный материал, который сразу обрушивается на голову ничего не подозревающего инженера или хозяйственника. Сидят и бухгалтеры, не сумевшие или не хотевшие оформлять цифровые материалы так, как это нужно было высшему начальству для предстоящих отчетов о достижениях и выполнении планов. Такая неумелость также приравнивается к саботажу, за которым следуют подслушанные разговоры с контрреволюционным уклоном. Я не говорю здесь о простых служебных подлогах или растратах. За это в специальные лагеря не посылают. Эти бухгалтеры рассказывали о нерентабельности производства, отягощенного чудовищным бюрократизмом и распухшим административным аппаратом. Особенное раздражение проявляют старые бухгалтеры, работавшие по этой специальности до революции. Молодые думают, что так и надо, что иначе невозможны отчетность и управление.

Были студенты, не проявившие достаточной общественной активности сверх учебных занятий. Вступая по этому поводу в конфликт с руководящей комсомольской ячейкой, они наживают себе врагов среди влиятельных парторгов и попадают под наблюдение, неизбежно заканчивающееся лагерем. Вообще можно утверждать, что каждый советский гражданин, не исключая и видных теоретиков марксизма, попадая под лупу долговременного наблюдения, оказывается виновным в "антисоветских высказываниях". А, чтобы попасть под эту лупу, достаточно любого предлога, хотя бы просто плохих отношений с влиятельными людьми. Среди заключенных студентов встречались также и целые группы, наказанные за участие в самостоятельных научных кружках для изучения таких опасных предметов, как литература или философия. Среди них есть и комсомольцы. Эта молодежь крепко стояла на марксистско-ленинской платформе. Преступным является попытка уйти в науку от неусыпного наблюдения "партийного руководства"; так как, раз студент начинал думать свободно, он неизбежно впадал в преступные уклоны. В лагерях эти молодые люди по большей части окончательно теряли свою советскую платформу.

Рабочие попадали за критику производственных порядков,

обманутые кажу́тся свободой критики, каковая на самом деле есть лишь инсценировка, заменяющая начальственный разнос. Критиковать можно лишь тогда, когда дан сигнал от партийного руководства. Инициативная критика обязательно приводит в лагерь. Попадают рабочие и за уклонение от "почетных" командировок в глухие места Сибири или в Центральную Азию, за скудные отчисления по займу... Даже прогулы и самовольные отлучки могут при нажиме партии или МВД довести до квалификации по 58 статье.

Среди заключенных крестьян, кроме обычных "ворчунов" (ст. 58), попадались "террористы", то есть покаранные за расправу с деревенскими коммунистами.

Было несколько газетных работников за "уклонизм", выразившийся в неповоротливости при новом изгибе генеральной линии. Типичный пример такой неповоротливости произошел с редактором "Иркутской правды", который поместил хвалебный фельетон в честь Берия в тот самый день, когда московская "Правда" сообщила о его аресте.

Встречал я и больших советских ученых, сидевших также за "уклонизм", "троцкизм" и проч. Не следует из этого заключать, что существуют такие советские ученые, которые позволяют себе самостоятельность. Но если тот или другой из них поссорился с кем-либо из крупных партийцев, полагаясь на свой авторитет советского ученого и на свою прочную позицию правоверного коммуниста, то найти уклонизм при помощи МВД очень нетрудно. Для этого достаточно порыться в работах ученого за прошлые годы. Там всегда найдется что-нибудь такое, что сегодня уже является "порочным" и "преступным". Мне известен как раз такой случай с профессором марксизма-ленинизма Ростовского университета Гинденем.

Самую большую группу советской молодежи составляют военные, попавшие в немецкий плен и там перешедшие на немецкую службу (ст. 58^б). Из этой категории часть действительно поступила к немцам только ради улучшения пайка. Но другая часть, несомненно, - по убеждению, чтобы в рядах немецкой армии бороться против советской власти. В лагерях эти две группы неотличимы, по мотивам психологическим и тактическим. Они все играют роль заблудившихся и раскаявшихся.

Режим особых лагерей Тайшетской системы является режимом каторжным. Охрана лагерей доведена до крайней строгости. Постовые на башнях рапортуют: "пост № ... по охране врагов народа сдал" или "принял".

Баракы зарешетены и на ночь запираются на замок. Внутри вносится "параша". Все заключенные носят огромный личный номер на спине и на ноге. Всех чинов охраны и администрации вплоть до рядовых охранников величают "гражданин начальник". При проходе "гражданина начальника" нужно каждый раз вставать. Но не приветствовать словами: это было бы дерзостью. В сутки четыре раза выстраиваются для проверки. Наружная охрана располагает помощью специально дрессированных собак. Конвой на работу - усиленный. На работах никогда не смешиваются с вольными. Кстати сказать, вольных в тайге нет совсем. Есть только поселенцы или так называемые "вольные поселенцы". Все они - репрессированные и сосланы целыми семьями для работы в тайге. В окрестностях нашего лагеря находились целые деревни высланных из Бессарабии. Даже чины МВД, администрирующие лагеря, находятся здесь в штрафной командировке. Каждый лагерь имеет собственный "движок", то есть электро-генератор, работающий на газолине для освещения лагерных помещений и зоны.

Режим требует яркого освещения в бараках. Выключателей не полагается. Лишь один рубильник находится на вахте. Но фактически осветительная энергия "движка" незначительна, и потому в бараках ночью иногда успокоительная темнота. В случае прекращения тока для зоны, немедленно пускаются в ход осветительные ракеты. Кроме того, зона снабжена заготовленными факелами; ими, однако, не рискуют пользоваться из-за опасности пожара.

При всей строгости лагерей для "врагов народа" здесь чувствовалось некоторое улучшение питания по двум причинам. Во-первых, в Восточной Сибири, ввиду суровости климата, положен усиленный паек. Хлеб - 800 г, сахар - 17 г, мяса - 80 г, зелени и картошки - 800 г. Во-вторых, этот паек действительно выдается почти честно, чего в лагерях ИТЛ и ИТК никогда не было. Второе явление - чисто хронологическое: в 1950 году воровать стали меньше, чем в 1945 году.

Советская власть вела непрерывную борьбу против воровства в лагерях, и эта борьба, хотя и очень медленно, но стала уже давать результаты. Головная прежде дистрофия стала явлением единичным; главным образом, это были незамеченные последствия заболеваний прошлых лет. Новых заболеваний дистрофией не наблюдалось. Но симптомы частичного авитаминоза на почве однообразия пищи продолжались.

Очень большое количество больных и инвалидов, и, следовательно, снижение рабочей силы лагерей давно уже обратили на себя внимание властей. Значительно усилился медицинский надзор и медицинская помощь. Но это улучшение касалось только рабочей силы, так как импульс улучшения был не гуманитарным, а утилитарным.

В конце 1949 года я заболел желтухой, а затем и туберкулезом легких и имел возможность шесть месяцев наблюдать жизнь и лечение в лагерной больнице.

Больница (1950 г.)

Одна из трех больниц Тайшетской системы представляет собой по внешности такой же лагерь, как и прочие рабочие лагеря. Те же бараки, тот же забор с колючей проволокой и башни по углам. Но внутри барачков устройство настолько отличалось от привычного, что казалось уже максимумом комфорта. Правда, нары были двухэтажными, но каждая нара представляла собой четыре отдельных койки. На койках чистое (хотя и очень грубое) белье, одеяла (очень грязные и рваные); у каждой койки - тумбочка. Полы крашенные, чисто вымытые. На больных чистое белье. Все это для глаза заключенного представляется неслыханной роскошью. Хотя эта больница не может сравниться ни с каким импровизированным амбулаторным покоем европейского стиля, но все же она уже походит на лечебницу.

Не всегда хватает коек. Тогда в проходах кладут доски, и койки превращаются в нары. Чаще всего такое расположение встречается в бараках для незаразных больных.

Вновь прибывающий больной проходит через баню, где он оставляет свою одежду и получает больничное белье. Одежда, грязная, как она есть, иногда сырая от снега, иногда мокрая

от дождя, заворачивается в плотный узел и будет лежать так месяцы, пока выписанный пациент не получит ее вновь заплесневшей и полусгнившей. Баня отстоит от барака на две сотни метров, которые нужно пройти в одном белье и галошах на голую ногу иногда при 40⁰ или даже 50⁰ мороза. Только по прибытии на койку больной рассматривается, как пациент.

Врачебный персонал состоит главным образом из заключенных врачей. Врачи с иностранным дипломом предпочитают, но отнюдь не в смысле получения высшей должности, а лишь в смысле использования их врачебных знаний. Иногда немецкий профессор занимает должность фельдшера или санитаря. Но его советские коллеги по специальности прислушиваются к его мнению с полным вниманием.

Должность начальника больницы занимает всегда советский врач. Медицинская часть имеет воинские чины и форму. Начальник больницы - от майора до полковника. Советский врач обычно никакого участия в лечении больных не принимает, ограничиваясь ролью административной. Его ближайшим помощником является не врач, а старший санитар из краткосрочных или заканчивающих срок заключенных. Весь внутренний порядок больницы, а, следовательно, и вся фактическая власть (скуда же относятся репрессии за нарушение порядка) находятся вне влияния лечащих врачей, и целиком устанавливается санитаром, непосредственно сносящимся с советским врачом. Иногда бывает, что последний действительно понимает свою роль как врач. В таких случаях больница вполне выполняет свое назначение. Но бывает также, что советский врач чувствует себя прежде всего надзирающим чиновником МВД. Тогда работа врачей лечащих очень осложняется постоянными конфликтами с санитаром.

Квалифицированных врачей вообще не хватает. Среди заключенных находят медицинских студентов, иногда даже фельдшеров и поручают им функции врачей. Нельзя сказать, чтобы эта начинающая и недоучившаяся молодежь оказывалась плохими врачами: именно среди них наблюдался высокий интерес к пациентам и к индивидуальным случаям болезни. Они охотно учились на своих пациентах, бывали к ним очень внимательны, и часто это внимание больше помогало больным, чем поверхностный осмотр спе-

циалиста, не могущего уделить достаточно времени ознакомлению с больным.

Я уже рассказывал о советских врачах, которые забывают видеть в пациентах заключенных и тем более "врагов народа". Но встречаются и иные. Например, один начальник больницы, алкоголик, отбывавший в тайге штрафное назначение, любил говорить больным: "Я не забываю, что вы враги народа. По-настоящему вас следовало бы всех уничтожить, мы вот возмись с вами, лечим. Вы должны это ценить". Особенно велика роль врача при выписке больного, так как всецело от него зависело определить рабочую категорию выписанного, и, если врач при этом руководился интересами пополнения рабочей силы, то часто посылал едва оправившегося вновь на тяжелые работы, доводя его до гибели. Справедливость требует отметить, что таких врачей-чикистов было очень немного.

Процент заболеваемости в лагерях очень велик. Даже после ликвидации дистрофии, убившей за три первых года добрую половину всех заключенных Советского Союза, количество заболеваний не очень уменьшилось, так как сопротивляемость организмов все время ослабевала.

Необходимо отметить отсутствие эпидемий. Кроме дезинтерии (первые годы), малярии и гриппа, не приходилось слышать с других, более серьезных эпидемиях. Вероятно, главной причиной этого была изоляция заключенных от внешнего мира, так как гигиенические условия из-за страшной тесноты и недостатка чистоты были весьма благоприятными для распространения эпидемии в случае ее появления.

Страшный бич тайги - мошка. Это маленькое насекомое, известное и в Европе, появляющееся вечером у воды. Едкая боль в глазах при попадании туда этого насекомого хорошо известна велосипедистам, проезжающим вечером по берегу реки. В тайге эта мошка появляется 15 июня сразу темными тучами. Она так наполняет воздух, что неизбежно попадает в рот при дыхании. Садится охотнее всего на влажные части тела: глаза, запотевший лоб, руки и ноги. Ее укусы вызывают раздражение, расчесы, опухоли. А так как этих укусов - тысячи, то непривычный человек с первого раза превращается в сплошную зудящую болячку.

Поднимается температура, иногда до 40°. При раздаче супа на воздухе (во время работы) мошка заполняет тарелку, превращая суп в подобие темной каши.

Против мошки раздают марлевые сетки; марля слишком густая и при работе или ходьбе до такой степени затрудняет дыхание, что приходится ее срывать. Охрана и вольное население носят сетки специального производства. Кроме того, со второго лета вырабатывается значительный иммунитет. Через два-три года мошка действует не более сильно, чем обычно комары вечером в сыром месте.

Очень большое распространение получил туберкулез. В нашей системе было одних зарегистрированных больных свыше трех тысяч человек. При этом обнаружение туберкулеза происходило лишь случайным порядком при лечении других заболеваний. На шестьдесят четыре лагеря, занимавших линию в 270 км, было лишь два рентгеновских аппарата. Они появлялись лишь иногда и на короткие сроки. На просвечивание посылали лишь в тех случаях, когда наличие туберкулеза было и без того очевидно.

В больнице, где я находился, было триста человек туберкулезных и ни одного аппарата. Его привозили лишь иногда. Медикаментов всегда было очень мало. В 1949 году сульфидин импортировали из Америки. В 1950 году впервые появилось отечественное производство. Русский сульфидин настолько отличался от американского, что врачи употребляли его с ослаской, и часто после первого приема от него приходилось отказываться: ослабление сердечной деятельности, резкое понижение температуры, тошнота. Пенициллин продолжали получать из Америки. Для назначения лечения пенициллином для каждого случая писали наряд в отделение, и там он не всегда утверждался. Прочие медикаменты были также в очень ограниченном количестве. Назначенные врачом медикаменты при нехватке заменялись по самостоятельному решению фельдшера иными, по его мнению, подходящими. Медицинский спирт целиком поглощался администрацией.

На огромную палату в триста человек было три термометра. Измерение температуры велось по очереди и занимало каждый раз не менее трех часов.

Гигиена ограничивалась формальной чисткой. Больным не разрешалось иметь никаких собственных вещей и ни клочка бумаги. Бумаги для уборной не выдавалось; больные припрятывали бумажки от порошков, но это строго преследовалось; при почти ежедневных обысках они отбирались, и виновные подвергались взысканиям. Носовых платков никаких не полагалось; приходилось сморкаться в полотенце. Ночных туалетов не было; для выхода в холодную уборную у дверей палаты стояли две-три пары резиновых калош. Баня полагалась раз в неделю. Она находилась в другом бараке в двухстах метрах от палаты, и туда зимой нужно было идти по сугробам, накинув бушлат на белье. Тяжело больных мыли в уборной на стульчаке, по возможности экономя драгоценную воду.

Курить было строго запрещено, но санитары торговали махоркой; неисправимые курильщики пытались курить в уборной, но ежедневно попадались и подвергались взысканиям.

За соблюдением дисциплины наблюдал старший надзиратель из кончавших срок. Его власть была беспартийная, и он налагал взыскания отбиранием белья: отнимал сначала кальсоны, потом рубашку, потом постельное белье, одеяло, матрац, так что некоторые упорные курильщики ложились спать совершенно голыми на голые доски. Состояние здоровья и температура не играли никакой роли. Врачи не вмешивались в административную деятельность старшего санитаря. К тому же санитар ведал раздачей на весь барак пищи, получаемой из кухни. Врачи по регламенту получали общий паек. И именно санитар выкраивал для них улучшенное питание и тем держал их в зависимости от себя.

Питание было вполне удовлетворительным (во всяком случае, так нам казалось после лагерных супов). Существовало шесть различных норм питания по назначению врача. Желтушный стол давал двести г сахара ежедневно. За неделю до смерти назначалось питание по заказу больного, разумеется, из имеющихся на кухне наличных продуктов. Почти не было случая, чтобы получивший заказанное питание оставался в живых. Больные это знали и принимали с ужасом такое преимущество.

Блатные и здесь пользовались своими привилегиями и получали питание по выбору из одной из диет. Достигалось это, как

всегда, угрозой убийства врача. Угрозы эти время от времени приводились в исполнение. Врачи это знали и всегда уступали настойчивым плаксивым просьбам блатных, понимая, что просьба означает требование.

Воровство продуктов в больнице было еще более развито, чем в лагерях. Этому благоприятствовало, во-первых, то, что многие слабые больные не поедали положенного, а во-вторых, всякое выражение неудовольствия несомненно сказывалось на длительности пребывания в больнице. Мы слишком хорошо знали, что продолжительность нашего отдыха зависела от скромности поведения и послушания значительно больше, чем от состояния здоровья. Укажу для примера, как воровали сливочное масло: полагалось ежедневно 20 г, которые выдавались не по весу, а формочками. Предварительно масло распускали на кухне до жидкого состояния, сильно взбивали вместе с водой и вновь замораживали в двадцатиграммовых формочках. Если такой кусочек масла постоит полчаса, вода из него вытекает, оставляя пористый как губка кусок, не превышающий по весу 10-12 г.

Воровство на кухне, как и везде, лишь частично шло на пользу поваров. Нужно было делиться с кладовщиком, а последний, в свою очередь, делился с начальством больницы.

При всем том пребывание в больнице было очень благотворно для заключенных. Человеческое отношение, отдых, сравнительно гигиенические условия и при том достаточное питание, даже некоторое лечение - бесспорно восстанавливали силы изнуренных, измученных людей.

Тем более отвратительно было после выписки опять надевать грязные лохмотья, которые за время пребывания в каптерке оказывались заплесневшими и подусгнившими. Затем переезд в гнусных клетках вагона для заключенных и немедленное вступление в арестантскую жизнь.

Туберкулезный лагерь

К 1951 году впервые были устроены специально туберкулезные лагеря, не для лечения и ухода, а для изоляции от здорового контингента.

Туберкулезные при выписке из больницы определялись по категориям: 1) открытая форма и 2) закрытая форма. Разделение это было очень неточным, часто без рентгена, только по показаниям анализа мокроты за последний месяц. В лагере отделили часть барачков, обнесли невысоким палисадником, и сообщения между двумя категориями были официально запрещены. "Открытники" получали пищу из столовой кадучками и в общую столовую не допускались. Для них была особая амбулатория и к каждому барачку был приписан врач для постоянного наблюдения.

При этом в бараках открытой формы среди умирающих был значительный процент больных, еще мало пораженных туберкулезом. И, наоборот, в бараках закрытой формы попадались несомненно очень тяжелые больные.

Независимо от туберкулезных категорий, продолжал действовать общий регламент о категориях трудоспособности. И в туберкулезных лагерях существовали все категории работоспособности; только открытой форме обеспечивалась непринадлежность к первой категории. Но вторая категория фактически должна была работать, и на работу выходили все вместе. Видимость изоляции в черте лагеря прекращалась при выходе за зону.

Всего в туберкулезных лагерях выходило на общие работы до 40% больных. Бывали случаи, что у больного на работе открывалось кровохаркание. Его освобождали от работ на два-три дня. Рабочие категории определялись междулагерными медицинскими комиссиями в установленные сроки четыре раза в год. Следовательно, тяжело заболевший не мог рассчитывать на перевод в другую категорию труда до прибытия комиссии. Лагерный врач не мог освобождать на долгие сроки, а рабочие часы такого больного продолжали включаться в подотчетную сумму рабочей силы. Даже при очень благосклонном отношении начальника лагеря невозможно было по формальным причинам избавить больного от губительного труда. Оставалась, правда, возможность вновь отправить в лазарет. Но для этого нужно было получить из лазарета согласие на прием, а таковое за переполненностью выдавалось очень редко.

В туберкулезном лагере численностью около тысячи человек еженедельно умирало от одного до трех больных. Я подсчитал смертность за 1951 год в одном из барачков открытой формы: из

ста двадцати человек осенью 1951 года к весне 1952 года осталось в живых двенадцать человек. Эта убыль не очень бросалась в глаза, так как на место умерших приходили новые заключенные, и общее число убывало незначительно.

Пищи к тому времени в лагерях было уже достаточно, но сохранились ее грубость и однообразие. Медикаментов полагалось на туберкулезный лагерь по наряду столько же, сколько и на здоровый рабочий лагерь. Фактически это равнялось нулю. На амбулаторном приеме врач давал всем больным один из двух порошков, заготовленных им самим, и глоток какого-то питья тоже своего производства. Очень мало перевязочного материала, а частые заболевания флегмоной или фурункулами требовали особенно большого количества. Нуждающиеся в постоянных перевязках должны были сами себе стирать бинты.

К тому дню, когда ожидалось поступление новой партии медикаментов, врач тайно оповещал наиболее серьезных больных и распределял между ними полученное. Этого хватало на два-три дня, в лучшем случае на неделю.

Нерабочая часть лагеря, то есть инвалиды-туберкулезники, должны были обеспечивать все обслуживание лагеря. Кроме того, их выводили за зону для заготовки топлива. Эта заготовка начиналась с лесоповала. Затем нужно было огромные поваленные деревья распилить и расколоть и доставить иногда за пять километров в лагерь на собственных спинах, так как лошадиной тяги не хватало, а имеющиеся иногда машины могли быть использованы только для так называемой "плановой" работы. Администрация пользовалась также, хотя и совершенно незаконно, трудом инвалидов для уборки помещений гарнизона, для снабжения гарнизона водой и проч. Таким образом, инвалиды, освобожденные от всех работ государственной медицинской комиссией, на 90% вынуждены были работать. Только настойчивое и систематическое пассивное сопротивление, невзирая на многократные взыскания, приводило к тому, что инвалида оставляли в покое. При наложении взыскания за отказ от работы в соответствующем постановлении не писали, что взыскание определено за отказ от работы, а находили всегда какой-нибудь другой мотив, вроде грубости по отношению к надзирателю или что-нибудь подобное.

Внутреннее самообслуживание в судности являлось товарищеским долгом. Но если товарищеский долг честно выполнялся, то получалось впечатление, что данный инвалид работать может. Тогда уже невозможно было отказываться и от административных назначений.

Когда требовалась срочная работа (например, выгрузка поданных вагонов), выстраивали всю наличность лагеря на линейке, и врач должен был из совершенно непригодных людей отобрать требуемое количество. Если от этой невозможной задачи врач отказывался, было еще хуже: тогда отбор производили надзиратели в отсутствии врача.

Озер-лагерная система предназначалась для постройки, ремонта и содержания новой железной дороги Тайшет-Братск. На этой стройке, кроме редко показывавшихся вольных инженеров, работали от начала до конца только заключенные. Это не мешало советской власти потом рекламировать новопостроенную дорогу, как достижение коммунистического энтузиазма. Я сам видел в лагерях фильм, изображающий эту стройку. На экране показывалась инсценировка, проведенная в один из нерабочих дней с участием приглашенных статистов.

Работа заключенных, вообще говоря, всегда очень низкого качества. Некоторые причины этого явления специфичны для лагерей: изнуренность рабочего, полное отсутствие интереса к работе, иногда даже злостное желание сделать как можно хуже. Другие причины недоброкачественной работы лежат глубже, не зависят от чисто лагерных условий и касаются вообще всякой работы в Советском Союзе. Это - плановая отчетность, система оплаты по процентам выполнения. Здесь интерес руководителей вполне совпадает с интересами исполнителей, а именно: показать в отчете как можно больше за возможно кратчайший срок. Недоброкачественность многих видов работы не сказывается немедленно и непосредственно. Когда она обнаруживается через несколько лет, виновника искать трудно.

Нашу вновь построенную дорогу сдали в эксплуатацию в 1953 году. Приемная комиссия тут же потребовала смены 30% шпал, ис-

правления профилей откосов и выемок на 50% и возобновления одерновки откосов на 90%. Тем не менее движение по дороге началось. Прочность укладки полотна при приеме, видимо, ускользнула от контроля, так как последующие два года 30% рабочей силы лагерей были заняты на исправлении осадки от проходящих поездов. Кроме железной дороги и большого железнодорожного моста через Ангару, заключенные Озер-лагерей были использованы для окрестных лесоразработок и постройки жилищ для ссыльно-поселенцев, которые, в свою очередь, также предназначались для длительных работ по эксплуатации тайги. Эти поселенцы - репрессированные бессарабцы старики, женщины, дети. Рабочая молодежь отсутствует (видимо, находится не на вольном поселении, а в лагерях).

Когда мы начали стройку жилищ, поселенцы уже четыре года жили в тайге в землянках и работали на валке леса. Легко можно предположить, что условия жизни этих людей были еще хуже лагерных, где все же какой-то минимальный паек был обеспечен независимо от работы. Эти люди имели лишь одно преимущество: свободу передвижения. Но как можно использовать эту свободу в глухой тайге? Если бы лагеря заключенных и не охранялись, смело можно утверждать, что процент побегов был бы ничтожным.

Домики, которые мы начали строить для поселенцев, были совсем хорошими; значительно лучше, чем старые дома местных жителей. Если предположить, что в таком доме будет жить только одна семья, то это жилище можно сравнить с домом богатого крестьянина в старой северорусской деревне. Но на узкой полосе вырубленной тайги трудно было представить себе какую-либо возможность обзавестись садиком или огородом. Почва тайги или сплошь переплетенный корнями торф, или, на сопках, - глина и каменистый песок. Для корчевки и больших земляных работ у этих обезглавленных семей не было ни сил, ни времени.

При работах на постройке заключенные строго изолировались при помощи запретной зоны от местного населения. Запретная зона - трехметровая, очищенная от растительности полоса, утыканная вешками с надписью: "стой, стреляю". Один неосторожный шаг за пределы зоны - неминуемая смерть. Если упавшее дерево на один, два метра выдвинулось за запретную зону, нужно было

специально ходатайствовать о разрешении подойти к запретному месту, чтобы оттащить недовко упавшее дерево.

На нашем строительном участке не было никакого источника воды. Охрана допустила несколько женщин с водой. Сейчас же завязались дружеские разговоры, в результате которых в один из последующих дней по случаю праздника Спаса, поселенцы заготовили для нас поларки, попрятав их в начатые постройки. На другой день по прибытии на работу эти поларки (хлеб, сахар, махорка) были обнаружены охраной. Сейчас же прекратили работы. Нас увели, и в поселок приехала следственная комиссия для обнаружения виновных в "выражении преступного сочувствия врагам народа". Были произведены многочисленные аресты, и постройка не возобновлялась до конца года.

На линии железной дороги была построена дерево-обделочная фабрика по принципу лагеря: вся площадь обнесена забором и проволокой, и внутри работали только заключенные.

Кроме таких фабрик-лагерей, на больших стройках организовывались огромные огражденные площади, внутри которых рабочие заключенные могли свободно передвигаться. Так работали на канале Волга-Дон, где оцеплена была вся область, по которой проходил канал. Но на таких оцепленных участках работали лишь наименее "опасные" заключенные, главным образом, бытовики и малосрочники. Из нашей системы также отобрали несколько человек "за хорошее поведение". Но, конечно, весь "спецконтингент" до таких работ не допускался.

До 1951 года заключенных-рабочих пытались заинтересовать премиями за перевыполнение 100% нормы. С начала 1952 года была введена новая лагерно-хозяйственная система. Лагери были переведены на "хозяйственный расчет". Это значит: заключенные сами должны были зарабатывать на содержание лагеря. Была установлена заработная плата по обычным тарифам для вольных, из которой удерживалась стоимость содержания в лагере, то есть пища, одежда, отопление и стоимость охраны. Приблизительно семь человек заключенных должны были оплачивать содержание одного охранника. Избытки заработка отдавали на руки (в лагерях ИТЛ и ИТК эта система начала вводиться еще в 1949 году). Инвалиды, не входящие в расчет рабочей силы, продолжали оста-

ваться на государственном пайке. Получаемые на руки суммы колебались от нуля до двухсот рублей, в среднем - около ста рублей в месяц. На эти деньги можно было заказывать себе на кухне некоторые слегка улучшенные блюда и покупать продукты в ларьке. Но в эти годы в Озер-лагерях еще не было постоянных ларьков. Привозимое ничтожное количество простейших товаров распределялось по баракам. Рабочим доставалось по несколько сот граммов каждого продукта. На инвалидов отделили совсем мало: на сто человек - один килограмм сахара, кило повидла, граммов двести сала, десятка два пачек мажорки. Да и денег инвалиды не имели.

С 1952 года появились симптомы какой-то новой лагерной политики. Не только все более и более внедрялась законность, но и в корне переменялось отношение к "врагам народа". Начальник лагеря произнес пространную речь о гуманности советской власти и о намечающемся исправлении закоренелых преступников. Непрерывными производственными достижениями мы якобы доказали свое намерение идти по честному пути, и советская власть, учитывая это обстоятельство, не будет больше рассматривать нас как неисправимых. Будут вновь введены зачеты за отличную работу (зачеты - скидка со срока наказания), и должно быть усилено культурно-воспитательное обслуживание.

Действительно, стали организовывать оркестр и драматическую труппу. Кружки самодеятельности вошли в круг интересов лагерного начальства, так как сверху давали крупные поощрения за развитие культурно-воспитательной деятельности и требовали неукоснительно отчетов об успехах. Как всегда и везде в Советском Союзе, если успехи требуются, то нужно их давать или хотя бы показывать в отчетах. Это значит, что необходимо направить деятельность КВЧ так, чтобы действительно заинтересовать заключенных. Но грубая, пошлая пропаганда прошлых лет, конечно, никого не могла заинтересовать. Кружку самодеятельности предоставили значительную свободу в выборе программы и материала.

В политических лагерях можно было найти любых специалистов. Нашлись профессиональные режиссеры, художники, музыканты. Допустили создание организационного комитета, который

составлял программу. Эта программа должна была получать утверждение политической части в лагере и затем в отделении. Политическая часть настаивала на "идеологической выдержанности"; заключенные, ссылаясь на свою некомпетентность в коммунистической идеологии, требовали классического репертуара. Некоторые постановки Чехова, Островского имели заслуженно большой успех. Сверху посылались поощрения. Идеологический нажим политической части встретил сопротивление со стороны начальника КВЧ и даже начальника лагеря. Наткнувшись на альтернативу: идеология или успех, начальство выбрало успех. В результате пропагандная роль КВЧ постепенно стухевывалась. Ставили исключительно классический репертуар. Этой роскоши не могли себе позволить театры на воле, где строго проводился принцип: "не больше 30% классики", "уделять особое внимание идеологической тематике".

Политическому надзору пришлось на этот раз уступить и, не настаивая на программе, оперативный уполномоченный обратил все внимание на цензуру. Каждый предполагаемый номер концерта или спектакля должен быть текстуально представлен для просмотра. "Без вины виноватые" нужно было переписывать от руки, чтобы на прошнурованном манускрипте получить "утверждаю". Из цензурных курьезов отмечу: запрещение дуэта "Горные вершины" из-за слов "подожди немного, отдохнешь и ты"; запрещение "Железной дороги" Некрасова; запрещение "Недоросля". Известный вальс Дюрана нужно было назвать вальсом Андреева; выброшены из программы некоторые произведения Шуберта: "слишком много у вас фашистов в программе". В "Свадьбе" Чехова пришлось заменить этикетки на бутылках: "Мадера", "Бенедиктин", "Сотери" - русскими этикетками: "незачем вам роскошествовать иностранщиной, у нас есть свои советские напитки". Несмотря на одиозность уполномоченного, случались сюрпризы. Например: декламировалась советская песенка: "Фронтовой шофер". После слов: "умирать нам рановато, у нас есть еще дома дела", слушатели прервали декламацию такими бурными аплодисментами, что исполнитель был немедленно посажен в карцер.

Постановки Островского под умелым и талантливым режиссерством после упорной работы (около сорока репетиций) произвели

глубокое впечатление даже на чинов администрации. Во время многократно повторенного спектакля "Без вины виноватые" не скрывали слез ни надзиратели, ни начальник лагеря. А оперативный уполномоченный, приложив платок к глазам, выбежал из зала.

Культурно-воспитательная часть стала функционировать наоборот: чинов МВД подвергались воспитательному влиянию элиты заключенных.

Материальная помощь начальства была ничтожной, несмотря на крупные ассигнования. В 1953 году положено было по 36 руб. в год на человека для работы КВЧ. Это для нашего лагеря составляло 36 000 руб. - сумма большая. Должно было бы хватать на покупку книг и реквизита. Но костюмы шили из перекрашенных мешков (таким образом получились даже стильные костюмы для "Горе от ума"). А свечи для канделябров заменили картонными трубочками со вставленными туда ампулками из амбулатории с маслом и фитилем.

Г л а в а V

Смерть Сталина (1953 г.)

По всему было видно, что в Кремле появились новые влияния, направленные против беззакония МГБ. Контрольные комиссии, приезжавшие из сибирского центра и даже из Москвы, состояли из чинов МВД, и впервые при опросах заключенных стали давать больше веры показаниям и жалобам заключенных, чем отговоркам лагерной администрации. Все эти симптомы появились за год до смерти Сталина. Так как трудно предположить, что Сталин сам начал ломать свою политику полной опоры на МГБ, возглавляемого Берия, то остается заключить, что глухая борьба против Сталина началась еще до его смерти.

Смерть Сталина с первого же дня, как она стала известна в лагерях, ознаменовалась огромным психологическим сдвигом. Заключенные, конечно, никак не могли реагировать, но очень быстро почувствовали реакцию среди чинов администрации. Пер-

вая газета с извещением о смерти была поразительна: при жизни Сталина каждое его слово комментировалось как событие мировой важности, но его смерть газета отозвалась кратким некрологом. Все остальные колонны зашты были формированием нового правительства и его первыми мероприятиями.

В лагере был назначен трехдневный траур и, в первый день, трехминутное молчание в честь умершего. Это молчание было проведено по баракам безо всякого контроля начальства, что уже само по себе было удивительным. Естественно, что заключенные особой почтительности к этим символическим минутам не проявили. Были шепоты, слышны были и смехи. На лицах рядовых бойцов было заметно просветление. Настроение сразу стало праздничным. Начальник КЗЧ, созвав руководителей кружка самодеятельности, объявил, что работа кружка должна быть продолжена сейчас же после трехдневного траура. В разговоре он совершенно не коснулся происшедшего события, но весь тон его речи был явно оптимистическим: "Теперь всем будет лучше, и вам, и нам". С другой стороны, начальник лагеря и оперативный уполномоченный были подавлены неожиданностью и на некоторое время исчезли с горизонта.

Первым выводом из этих наблюдений было то, что в рядах партии и государственного аппарата появились признаки безнака-
занного расслоения.

В центре начались выступления новой власти. Хрущев произнес многочасовую речь о хозяйственном положении страны, не поместившуюся в двух номерах газеты и полную резкой критики существующего положения. Такая критика доселе была неслыханной. Вскоре был арестован Берия и этим окончательно укрепился второй вывод из факта смерти Сталина: диктатура сломлена!

Новая власть вступила в свою роль с осуждением единоличной диктатуры. Некоторые лагерные начальники намекали в разговорах, что они считают нас жертвами этой последней. Но так как не все начальники были одинакового мнения, то несколько месяцев в лагере ощущалась атмосфера колебания перед вступлением на новый курс. Повидимому, он не определился еще в самом Кремле. Новое правительство не чувствовало большой уверенности: еще оставались сталинские наследники в его среде.

Ликвидация Берия прекратила шатание настроений. Стало ясно, что ликвидирован и сталинизм, в том смысле, что миновала опасность со стороны его сторонников. Оппозиции вне правящей группы не стало. Ликвидирована ли оппозиция внутри этой группы - это вопрос, на который тогда нельзя еще было ответить.

В лагерях укрепление власти сказалось восстановлением сильно пошатнувшейся дисциплины. Порядок восстанавливали прежде всего не по режимной, а по производственной линии. Возобновилась регулярность выхода на работу, и точнее определены были группы, обязанные работать. В смысле режима заключенные явочным порядком создали себе некоторые облегчения, часть которых впоследствии была подтверждена новым регламентом. Вместо четырех проверок стало две; сняли каторжные номера с одежды; перестали запирают бараки на ночь; сняли решетки с окон барачных; перестали вставать при приходе надзирателей. Почтительный страх перед последними вообще исчез. Участились случаи неповиновения, грубых ответов, даже угроз. Если надзиратель слышит такую угрозу в тесном помещении барака, то, понимая стратегическую невыгодность позиции, быстро покидает помещение и не пытается даже применить какие-нибудь санкции. Иногда заключенный называл надзирателя "бериевцем", и тот совершенно терялся, не зная чем парировать.

Новые настроения в лагерях не допускали применения решительных мер без того, чтобы не вызвать кровопролития. А на последнее чины МГБ, явно находившиеся в опале у новой власти, рискнуть не могли, боясь серьезной ответственности.

Ликвидация МГБ указом из центра была проведена путем смены погон МГБ на погоны МВД. Люди в большинстве остались те же, и, до полной переработки унаследованного от Берия персонала, им не оказывали большого доверия.

Процесс Берия, а в особенности Рюмина (как главного следователя) сделали совершенно официальным предположение, что заключенные в лагерях, быть может, в значительном числе являются жертвами сталинского судопроизводства. Но предположение это подлежало проверке, так как о "революционной бдительности" уже стали вновь напоминать. Страна ждала амнистии, и

она была дана, но сформулирована так, чтобы освободить как можно меньше. Все пункты широковещательной амнистии аннулировались коротенькой припиской "кроме ст. 58". Весьма возможно, что в намерение власти влило даже такую амнистию, которая вызвала бы разочарование в народе. Разочарование не в долгожданном акте милосердия, а в самих амнистированных.

На практике вышло так, что по амнистии 1953 года была выпущена вся преступная шпана. С гамом и песнями провозжали целыми поездами освобожденные хулиганн, громили буфеты на станциях и, разбредясь по городам, немедленно вернулись к своему ремеслу. Опять были терроризированы города и села. И опять МВД приступило к чистке. Арестованных рецидивистов судили показательными судами и о процессах печатали в газетах (известно, что в советских газетах никаких происшествий и уголовных историй, как правило, не печатают). Каждый раз подчеркивалось, что обвиняемый недавно амнистирован. Амнистия должна была отбить охоту у населения к амнистиям. В нашем лагере по амнистии освободили одного человека; а по всей системе из 75 тысяч человек - не более 300 человек. Остальным объявили, что гуманная советская юстиция готова в индивидуальном порядке пересмотреть все дела. Прошение (заявление) о пересмотре мог подавать каждый. Невозможно себе представить, как верховные судебные учреждения могли бы справиться с десятками миллионов дел. И действительно: по получаемым ответам можно было видеть, что дела пересматривались не кассационным судом, а местными судебными органами, то есть как раз теми, кто были объектами жалоб. Неудивительно, что по всем таким прошениям получались стереотипные отказы с подтверждением правильности вынесенного ранее приговора. Изменением к лучшему все же является тот факт, что эти прошения вообще рассматривались. Раньше прошения осужденных по 58 ст. совершенно не принимались. Новым был также и порядок приема прошений: в запечатанном конверте без контроля и цензуры лагерной администрации. Таким образом могли проскользнуть и жалобы на внутрелагерные беззакония. Начальство с этим очень считалось. Подающего жалобу ласково спрашивали и предлагали, если есть претензии к лагерю, разрешить вопрос на месте.

В 1953 году на некоторые прошения ответ пришел непосредственно из Москвы. Во всех этих случаях (всего около пяти) дело назначалось к пересмотру и осужденный вызывался по месту ведения следствия. Нам удалось узнать, что в результате пересмотра осужденные были освобождены.

Новой сенсацией была официально объявленная "активировка". Слово это получило уже давно права гражданства и означает: списание со счета после составления акта о непригодности специальной комиссией. В применении к людям: установление медицинской комиссией полной нетрудоспособности инвалидов и их досрочное освобождение. Отпускали к родным, если последние давали подписку принять освобожденного инвалида на иждивение. В противном случае освобожденные переводились в специальные инвалидные лагеря с открытыми воротами и без охраны. Один из таких лагерей намечался на нашей железнодорожной линии, то есть в тайге. Конечно, такое освобождение представлялось очень мало привлекательным, тем более, что назначался уменьшенный паек, а работы по самослуживанию целиком ложились на совершенно беспомощных инвалидов. В нашем инвалидно-туберкулезном лагере подлежащих активировке оказалось сто пятьдесят человек, то есть 15%. В лагерях рабочих, где вообще не допускалось наличия более 10% инвалидов, нужно предположить число активированных не более 5%.

Все эти мероприятия были началом некоторой разгрузки лагерей. Амнистия 1955 года, впервые коснувшаяся 58 статьи, и репатриация иностранцев - делали еще один крупный шаг в этом направлении.

Г л а в а VI

Опять военнопленные (1954-1955 гг.)

По газетам, которые мы стали получать в изобилии (в 1953 году разрешили индивидуальную выписку газет, журналов и книг), почувствовался новый тон по отношению к западным державам.

Вновь поднялся спор ТАССа с европейской печатью о мил-

лионах пропавших в России без вести немцев. ТАСС, возмущаясь "клеветническими наветами", доказывало полное отсутствие военнопленных на советской территории за исключением нескольких тысяч осужденных военных преступников. Все же в результате этой полемики МВД стало собирать сведения о всех, по всей Сибири одиночками расселенных немецких солдатах. В августе 1954 года всех таким образом обнаруженных стали свозить в сборные лагеря на Урале, где находились только военнопленные. Около десятка таких лагерей расположилось радиусом в шестьдесят км вокруг города Свердловска. Был еще сборный немецкий лагерь в Сталинграде и особый лагерь, только для генералов, во Владимирской области.

Я покинул сибирские лагеря в августе 1954 года, когда начались реформы по улучшению и очеловечению жизни заключенных. На этой дате заканчивается мое свидетельство о советских концентрационных лагерях, потому что, как это будет видно ниже, условия жизни в новых лагерях военнопленных следует рассматривать совершенно особ. Это были уже специальные условия для подлежащих репатриации.

Привыкнув за многие годы к совершенно скотским условиям существования, мы радовались каждой мелочи в улучшении нашего быта за 1952 и 1953 годы и не замечали таких недостатков как продолжающаяся скученность, грязь и неуютность жизни, плохая одежда и грубое, однообразное питание.

Только попав вновь в лагеря военнопленных, я убедился, насколько можно жить лучше, даже продолжая оставаться за проволокой.

Прежде всего мне показались нелогичными те привилегии, которыми, в сравнении с русскими заключенными, пользовались "тяжелые преступники против человечества", как в официальной печати квалифицировались оставшиеся немецкие военнопленные.

Вместо полутемных низких брезентовых бараков, светлые, высокие, каменные. Вместо голых площадей между бараками, кое-как и кое-где засаженных бедными овощами, цветники и аллеи, даже нечто вроде парка. В сибирских лагерях не разрешалась растительность, превышающая один метр как помеха обзорности со сторожевых башен. Здесь - тенистые разросшиеся тополя,

липы и акации. Вместо двухэтажных нар, где на человека приходилось от 30 до 50 см пространства, железные кровати (правда, тоже двухэтажные), частью с хорошими пружинами; в промежутках - тумбочки, даже столы и табуретки. Комната, в которой в Сибири помещалось сто двадцать человек, здесь занималась тридцатью. Администрация лагеря почти не вмешивалась в нашу внутреннюю жизнь, и жилищная обстановка все время улучшалась индивидуальной заботливостью каждого о себе и товарищах. Рядовые надзиратели не пользовались никакими правами: все распоряжения передавались только офицерами через немецкую комендатуру.

Большая библиотека из немецких книг с небольшим добавлением французских и русских. Русские книги, как и везде - советские. Огромные тома "Бури" Эренбурга на первом месте по десятку экземпляров на русском и немецком языках. Десяток новеньких книг Бехера (современный поэт, писатель и министр культуры и просвещения в Восточной Германии). Вся основная немецкая библиотека составлена из трофеев войны, страшно затрепана, с печатями библиотек и частных магазинов Германии. При ближайшем ознакомлении обнаруживаю, что библиотека не подверглась цензуре, так как здесь было много книг религиозного содержания, а также немецких философов явно не марксистского характера. Много немецких газет и иллюстрированных журналов, но современная печать только из ГДР, а она еще более "советская", чем печать СССР.

Помещение клуба устроено как театральная зала с рампой, оркестром и номерными стульями для зрителей. Везде прекрасное освещение. Каждую неделю - кино, причем преобладают также трофейные фильмы немецкие, французские, итальянские и английские, захваченные в оккупированной Германии. Прекрасная музыкальная капелла, руководимая профессиональным дирижером и композитором. Футбольная и теннисная площадки. Очень уютно устроенная столовая и всюду много цветов.

Снабжение посылками из Германии было прекрасно организовано и сделало вопрос о казенной пище неактуальным.

Паек лагерей военнопленных был ниже восточно-сибирского пайка. В сущности это был тот самый паек, на котором мы го-

лодали до 1951 года. Но немецкие товары прилагали все усилия, чтобы из полученных продуктов создать хотя бы один раз в день вечером вкусное блюдо. Это было возможно, потому что большое количество получаемых из Германии посылок (в среднем по четыре посылки в месяц на человека) обилие весов в пятнадцать килограммов) обеспечивали завтрак и еду в полдень ценными продуктами.

Имелась очень прилично обставленная парикмахерская, обслуживаемая профессиональными парикмахерами и снабженная тончайшей косметикой (из посылок). Туда охотно заходили офицеры гарнизона, не имевшие возможности иметь у себя такую комфортабельную обстановку.

Все эти совершенно новые и непривычные для лагерей условия давали полную уверенность в том, что еще с конца 1953 года советская власть предвидела репатриацию военнопленных, рассматривая их в официальной печати, как тяжелых преступников, а фактически подготавливая расчетную монету для будущей торговли с Германией.

Нам удавалось неоднократно получать искусно спрятанные в посылках вырезки из западно-германских газет. Это давало, во-первых, представление о политической обстановке, а, во-вторых, картину той страстной пропаганды за возвращение военнопленных, которая очевидно и учитывалась советской властью. Она имела что предложить Германии: военнопленные, как расчетная валюта, являлись большой ценностью для Германии и ничего не стоили Советскому Союзу.

Перед амнистией немцам была провозглашена амнистия своим. Это была первая за историю советской власти амнистия, коснувшаяся до сих пор всегда исключаемой 58 статьи. И эта амнистия была дана под давлением Европы и, косвенным образом, Германии. Какие бы ни были причины амнистии, был ли то подлинный поворот на новый курс, попытка залечить так долго кровоточащие раны войны, попытка пойти на примирение с собственным народом или просто очередной тактически пропагандный трюк для внешнего употребления, но амнистия 1955 года была действительно первой подлинной и политической амнистией, данной советской властью. Она освобождала из заключения всех участников войны на немец-

кой стороне и всех сотрудников оккупационной власти. Мало того, она освобождала и от последствий приговора, то есть от лишения прав и высылки для отбывших заключение. Амнистия коснулась также всех "болтунов" (осужденных за антисоветские высказывания, ст. 58¹⁰), которые составляли большую часть политических заключенных (после военно-осужденных). Вычислить, сколько миллионов освобождено по амнистии, представляет такую же трудность, какую я отмечал в начале этой работы при определении числа всех заключенных.

Правда, из амнистии исключены осужденные за убийство советских граждан, и, конечно, очень нетрудно было бы любого осужденного подвести под эту оговорку.

Принимая оживленное участие в розысках пропавших эмигрантов, я имел возможность установить по именам знакомых солагерников, что амнистия действительно была проведена в жизнь в той форме, как она была объявлена. Я узнал факты не только амнистирования, но и реабилитации, по которой некоторые освобожденные эмигранты получили пенсию (ничтожную) за пребывание в лагерях.

Целая группа эмигрантов, предназначенных к репатриации, была собрана в лагере Потьма. Но ни одна держава не позаботилась их принять как своих граждан и эта группа на год застряла в Потьме. По полученным сведениям о судьбе некоторых лиц из этого лагеря, он в конце концов был ликвидирован путем освобождения его контингента. Освобожденные получили место жительства на Кавказе, в Туркестане, в Средней Азии. Эти примеры заставляют предположить, что освобожденные были ограничены в выборе местожительства.

От некоторых освобожденных уже получены письма. Они все усиленно стремятся "заслужить прощение перед советской властью и с энтузиазмом готовы принять участие в социалистическом строительстве". Для знающих советские условия этот "энтузиазм" означает сугубую осторожность и, быть может, даже подлинное желание подчеркнутой лояльностью создать сносные условия для новой жизни. Конечно, политическое клеймо останется на них навсегда.

Отмечаю следующую мелочь: еще в бытность мою в Советском

Союзе мне приходилось видеть и слышать о лагерях, совсем опустевших. Их не забросили. Немедленно было приступлено к ремонту. Последние события показали, что новые контингенты для опустевших лагерей найдутся. И если к настоящему моменту лагеря перестали быть самой позорной язвой советского режима, то все же трудно поверить, что такое либеральное положение при диктатуре коммунистической партии может надолго сохраниться.

Автор этой работы Владислав Иосифович Юкшинский, инженер и журналист, родился в 1895 году, эмигрировал из России в 1920 г., участвовал во второй мировой войне в рядах германской армии на антисоветском фронте. В 1945 г. вместе со своей частью оказался в числе военнопленных советского командования. После двухлетнего пребывания в лагерях в качестве немецкого военнопленного был осужден трибуналом МГБ к 25 годам заключения как "военный преступник". В январе 1956г. передан властям Западной Германии и немедленно реабилитирован.

Ныне проживает в Западной Германии, сотрудничая в русской эмигрантской печати.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр.
Вступление.....	3
Глава I. Военнопленные (1945-1946 гг.)	4
Глава II. Тюрма (1947 г.)	24
Глава III. ИТЛ и ИТК - лагеря обыкновенного режима (1947, 1948 и начало 1949 г.)	40
Глава IV. "Спецлагери" (1950-1952 гг.)	51
Глава V. Смерть Сталина (1953 г.)	73
Глава VI. Опять военнопленные (1954-1955 гг.)	77

ИНСТИТУТ ИО ИЗУЧЕНИЮ СССР
Исследования и материалы
Серия II (ротаторные издания)

1953 г.

1. В. Марченко. Планирование научной работы в СССР (46 стр.)
2. Н. Семенов. Система советской юстиции в схемах (28 стр. и 11 схем)
- 2а. То же на английском языке: N. Semenov. The Soviet Judicial System as Represented in Diagrams
3. Инж. К. Крылов. Готовность тракторного парка к посевной кампании 1953 г. в СССР (12 стр. и 1 карта)
4. Проф. А. Зайцов. Динамика населения СССР на 1952 г.
5. Инж. К. Крылов. Ход весенних работ в СССР в 1953 г. (22 стр. и 1 карта)
6. Указатель периодических изданий эмиграции из России и СССР (за 1919 - 1952 гг.) (165 стр.)
7. К современному состоянию сельского хозяйства в СССР (Сборник статей. 50 стр.)
8. Внутренняя и внешняя политика СССР (Из материалов совещания в Институте, 49 стр.)

1954 г.

9. Инж. К. Крылов. Ход летних и осенних работ в СССР в 1953 г. (39 стр. и 2 карты)
10. М. Колосов. Коммунистическая партия и советская армия (52 стр.)
11. Б. Туш. Преследование Церкви в Польше (53 стр.)
12. Указатель советской периодической печати (151 стр.)
13. А.М. Кармаков. Реакция советского населения на пропаганду (61 стр.)

14. Доц. А. Поплужко. Производство товаров широкого потребления в СССР (1951 - 1955 гг.) (62 стр.)
15. Н. Семенов. Государственное устройство и органы управления СССР и РСФСР в схемах (35 схем и 132 стр.)
16. Проф. д-р П.Л. Кованьковский. Финансы СССР после второй мировой войны (в сравнительном освещении) (80 стр.)
17. Ю. Марин. Проблема увеличения производства зерна и освоение целинных и залежных земель (опыт политического анализа) (36 стр.)
18. Р. Реннинг. Экономические взаимоотношения Эстонии и СССР до 1940 г. (58 стр.)
19. П. Уранов. Роль Государственного банка в работе местной промышленности (72 стр.)
20. Проф. д-р А.Архимович. Зерновые культуры СССР (106 стр.)
21. Проф. д-р А.Архимович. Культура хлопчатника в СССР (110 стр.)
- 1955 г.
22. В. Мерцалов, К. Крылов, Л. Дудин. К исследованию проблем психологической войны. Сборник статей (132 стр.)
23. А. Гаев. Цензура советской печати (51 стр.)
24. Г. Сова. До історії більшовицької дійсності (107 стор.)
25. Д-р В. Седуро. Достоевсковедение в СССР (92 стр.)
26. М. Ковалевський. Опозиційні рухи в Україні і національна політика СССР (1920 - 1954) (83 стор.)
27. Г. Калиновский. Состояние молочной промышленности СССР в предвоенный и послевоенный периоды (112 стр.)
28. С. Дяченко. По вопросам организации колхозов в СССР (56 стр.)

29. І. Майстренко. Курсові процеси в советській економіці (123 стор.)
30. Проф. Н. Куликович. Советская опера на службе партии и правительства (149 стр.)
31. Проф. В. Ширяев, Н. Кошеватый. Проблемы интеллигенции СССР (30 стр.)
32. В. Скородумов. Структура руководства советской школой (87 стр. и 31 схема)
33. Ю. Мишалов. О подготовке и условиях работы преподавателей советской школы (190 стр.)
34. М. Волаціч. Беларускае народнае ткацтва (199 стр. и XIV рис.)
35. С. Нагай. Водопостачання і каналізація в СССР (110 стор.)
36. Проф. д-р В. Городецкий. Сырьевая база сахарной промышленности в СССР (55 стр.)
- 1956 г.
37. К. Прошин. Из практики изобретательства в Советском Союзе (90 стр.)
38. Евг. Сербин. Политические настроения Советской армии в послесталинский период (87 стр.)
39. Панас Феденко. Україна після смерті Сталіна (95 стор.)
40. Проф. д-р А. Билимович. Советская кооперация после второй мировой войны (128 стр.)
41. Г. Ахминов. Объективное сопротивление в СССР (104 стр.)
42. С. Невский. Профессионализм в советском спорте (56 стр.)
43. И. и Н. Лазаревич. Народное образование в СССР (начальная и средняя школа) (166 стр.)
44. Миндия Лапаури. История Грузии XIX - XX вв. в современной советской интерпретации (53 стр.)

45. Прот. Д.В. Константинов. Православная молодежь в борьбе за Церковь в СССР (78 стр.)
46. В. Гришко Панславизм у советській історіографії і політиці (125 стор.)
47. В. Чапленко. Большевицька мовна політика (74 стор.)
48. Проф. д-р В.Ф. Тогомианц. Из истории русской экономической мысли (52 стр.)
49. К. Крылов, А. Казанцев, Л. Ржевский К исследованию проблем психологической войны (2-й сборник статей) - (172 стр.)
50. И. Костецкий. Советская театральная политика и система Станиславского (110 стр.)
51. Проф. д-р Ян Станкевич. Савецкае хвальшаваньне гісторыі Беларусі (184 стр.)
52. С. Голубничий. К вопросу о возникновении зерновых кризисов в СССР (122 стр.)
53. Галина Корчинська. Три або чотири закони діалектики (45 стор.)
- 1957 г.
54. Проф. д-р И. Никодимов. О политическом образовании в СССР (112 стр.)
55. Л. Микиртчян. Эпоха армянского возрождения и ее интерпретация в Советской Армении (на армянском языке)(52 стр.)
56. Л.О. Бек (инженер-лесовод) Полезащитное лесоразведение в СССР (117 стр. и 1 схема)
57. Ю.И. Мисалов. Коммунистическая утопия и советская действительность (92 стр.)
58. Проф. Б. Крушницкий. Українська історична наука під Сове́тами (120 стор.)
59. Д-р Е.Х. Занкевич. К истории советизации Российской Академии наук (92 стр.)
60. Проф. Микола Кулікович. Беларуская савецкая опера (126 стр.)

61. А. Кунгурцев. Текстильная промышленность СССР (132 стр.)
62. Инж. Н.В. Федоровский. Автогужевые дороги Украинской ССР (99 стр. и 1 схема)
63. Г. Цяміга. Институт Беларуской культуры Беларуская Академія наук - Академія наук Беларуской ССР (162 стр.)
64. А.К. Луниин. Структура и функции советской милиции (78 стр. и 1 схема)
65. Д-р С. Торосян. Армянский вопрос и советская политика (27 стр.)
-